

Где-то в городе таилось чудовище. Откинувшись на подушки лимузина, Торн Спенглер позволил своему мозгу остановиться на этой мысли, обдумывая ее неторопливо и с таким же удовольствием, с каким маленький мальчик обсасывает леденец. Он представлял себе монстра шагающим по освещенной улице или сидящим в дешевом гостиничном номере, со свернутыми щупальцами, затаившегося под оболочкой, которая делала его похожим на мужчину, а возможно, и женщину. А жизнь в городе вокруг продолжалась. "Привет, Джефф. Ты слышал? Они останавливают все автомобили. Какое-то происшествие со шпионами... Моя сестра хотела вылететь в Таксон, а ее вернули. Мой двоюродный брат, работающий на космодроме, говорит, что никакие корабли, кроме военных не прилетают и не вылетают. Наверное, произошло что-нибудь серьезное".

А монстр слушает и чувствует, как сеть сжимается вокруг него.

Напряжение растет, думал Спенглер; оно висит в воздухе, витает над необычно пустыми улицами. Можно услышать его, почувствовать в тишине, которая поднимается над глухим гулом, похожим на жужжание в улье, в тишине, от которой появляется желание остановиться и затаить дыхание.

Спенглер взглянул на Пембана, который спокойно сидел рядом с ним. Чувствует ли он то же самое? - размышлял Торн. Трудно было определить. Никогда нельзя определить, о чем думает житель колонии. Возможно, он хочет вернуться на свою собственную сонную планету, убраться поскорее от всех этих волнений, происходящих в центре Вселенной.

Для самого Спенглера это момент был кульминационным пунктом целой жизни. Чудовище, ритианин, был только катализатором, камнем, брошенным в пруд. Важнее всего было то, что именно теперь, пока длится эта операция, вся нескончаемая работа Земной империи вращается вокруг одной маленькой сферы: отдела безопасности Земли, район Северной Америки, юго-западный сектор. На этот краткий момент один человек, а именно - он, Спенглер, - был важнее всех других чиновников, управляющих Империей.

Машина плавно затормозила и остановилась. Двое мужчин в голубовато-серых бриджах городского патруля, перегородили дорогу, держа автоматы наготове. Позади них невидимая масса вооруженного подразделения блокировала половину дороги.

Еще два патрульных вышли вперед и резким движением открыли все четыре дверцы автомобиля, быстро отступив назад на позицию перекрестного огня.

- Всем выйти из машины, - сказал один из них, одетый в сержантский плащ. - Проверка безопасности. Шевелитесь!

Когда Спенглер проходил мимо сержанта, тот, выражая уважение, дотронулся до своей груди.

- Добрый вечер, господин уполномоченный.

- Добрый вечер, сержант, - произнес Спенглер спокойно, улыбаясь, но не удосуживаясь прямо посмотреть на человека, и повел Пембана и шофера в конец очереди.

Очередь постепенно продвигалась вперед. Спенглер повернулся и обнаружил, что Пембан с любопытством вытягивает свою короткую шею.

- Стереоскопический флюороскоп, - пояснил Спенглер с легким удовольствием. - Это тест, который ритианин не может пройти, независимо от того, как хорошо он замаскировался под человека. Такая проверяющая станция расположена на каждом углу каждой десятой улицы и каждого пятого пересечения улиц. Если ритианин будет настолько глуп, что попытается

пройти хотя бы одну из них, мы поймаем его. Если же он постарается обойти эту проверку, то патрульные, проверяющие дома, заставят его все же пройти ее. У него нет шансов.

Спенглер стал между экраном и луковицеобразными парными проекторами и увидел, как светящееся, похожее на дерево, пространственное изображение его скелета появилось на скрытом экране. Квадратное пятно на левом запястье и чуть меньшее рядом с ним было ничем иным, как коммуникатором и выступающими часами. Другие, странной формы, пятна на экране указывали на металлические предметы, находящиеся в сумке, висящей на поясе, - ключи-прожекторы, калькулятор, мнемокубы и тому подобное.

Техник, сидевший за проектором, сказал:

- Повернитесь. Хорошо. Следующий.

Спенглер стоял возле двери лимузина, пока Пембан не присоединился к нему. Широкое с плоским носом лицо маленького человечка выражало удивление, интерес и что-то еще, чего Спенглер не мог определить.

- Как вы смогли найти так много портативных флюороскопов в такой спешке? - спросил он.

Спенглер довольно улыбнулся.

- Это не чудо, мистер Пембан, просто соответствующая подготовка. Эти флюороскопы хранились и поддерживались в рабочем состоянии именно для такого непредвиденного случая с 2018 года.

- Пятьсот лет, - заметил Пембан удивленно. - Ничего себе! И это первый случай, когда вам довелось использовать их?

- Первый. - Спенглер жестом пригласил Пембана занять место в машине. Следуя за ним, он продолжил. - Чтобы развернуть всю сеть установок, нам потребовалось всего полчаса. Были готовы не только флюороскопы, но и полные детальные планы всей операции. Все, что мне понадобилось сделать, это извлечь их из файлов данных, где они хранились.

Машина проехала мимо барьера.

- Ничего себе! - опять сказал Пембан. - Я чувствую себя, как дополнительный нос.

Его глаза слабо светились в полутьме, когда Спенглер повернулся и посмотрел на него.

- Простите?

- Я имею в виду, - пояснил Пембан, - что мне не кажется, что вы во мне очень нуждаетесь.

Это невыразительное протяжное произношение, подумал Спенглер, может иногда действовать раздражающе. Человек получил образование на Земле, почему он не может говорить правильно?

- Я уверен, что ваши советы окажутся весьма ценными, мистер Пембан, - произнес Спенглер ровным голосом. - В конце концов, среди нас больше нет никого, кто бы имел действительно... дружественный контакт с ритианами.

- Это так, - ответил Пембан. - Я совершенно забыл. Мы так привыкли к рити. Трудно помнить, что Земля никогда не вступала в торговые отношения с ними.

Он произносил "рити" со странным свистящим фрикативным звуком, чем-то сродни между "т" и "с" и резким завершающим гласным. Это делалось не из хвастовства, надеялся Спенглер, это просто было более естественно для этого человека, чем стандартизованное наименование "ритиане". Возможно также, что Пембан так же хорошо говорит на ритианском языке, как и на стандартном английском.

Спенглер нерешительно попытался представить себя частью мира Пембана. Пестрая толпа, порожденная полудюжиной групп нестандартного населения, покинувшего Землю шесть столетий тому назад. Гаитяне, выходцы из французской Западной Африки, жители Ямайки, пуэрториканцы. Узколобые, низкобровые, тупоумные, бестолковые, с грустью в глазах бездельники, производители, пьяницы и скандалисты, разговаривающие на ужасном жаргоне, представляющем собой смесь английского, французского и испанского языков. Жители колоний, если даже они так официально и не назывались.

- Мы не могли торговать с ритианами, мистер Пембан, - сказал он в

конце концов мягко. - Они не человекоподобные существа.

- Да, теперь я вспомнил, господин уполномоченный, - отреагировал маленький человечек почтительно, - этот факт просто на минуту выскочил у меня из головы. Конечно, меня учили этому в школе. Земля последние пять сотен лет сохраняет неизменной свою политику по отношению к цивилизациям нечеловеческих рас. Если они еще не достигли стадии космических кораблей, следует держать их под наблюдением и сделать все, чтобы быть уверенным, что они не достигнут этой стадии. Если же они достигли этой стадии, но достаточно слабы, следует развязать против них быструю превентивную войну. Если же они достаточно сильны, как рити, то тогда применяется тактика маневра; подрывная деятельность, саботаж и методы типа "разделяй и властвуй." А затем война. - Он хихикнул. - У меня начинает болеть голова, когда я об этом думаю.

- Эта политика, - информировал его Спенглер, - выдержала единственную имеющую значение проверку. Тест на выживание человечества. Земля продолжает жить.

- Да, сэр, - поддакнул Пембан бессмысленно. - Она действительно продолжает жить.

"Чего только я не делаю ради Империи!" - подумал Спенглер полунасмешливо, полураздраженно.

Прикосновение указательного пальца к основанию выпуклости часов привело к тому, что они мягко зазвенели, а затем женский голос произнес: "Четырнадцать десять и одна четверть."

Спенглер колебался. Сейчас было неудобно звонить Джоанне, обеденный перерыв в ее секции начинается в четырнадцать тридцать. Но если он будет ждать до этого времени, они успеют добраться до Холма, где сразу же начнется конференция, которая, скорее всего, не закончится до конца рабочего дня. Раздражало то, что придется говорить с ней в присутствии Пембана, но тут ничего нельзя было сделать. Он был слишком занят, чтобы позвонить до полудня - прибытие Пембана нарушило его планы, к тому же его начальник, Кейт-Ингрэм, выбрал время, чтобы позвонить ему, как раз, когда Спенглер направлялся на космодром, и занял все время поездки бесполезной дискуссией.

Торн не звонил ей три дня. Это было сделано преднамеренно; дело ритианина было просто подходящим предлогом. Это была хорошая стратегия. Но Спенглер знал своего противника, знал пределы ее любопытства и гордости с точностью до часа. Любая более длительная задержка будет опасной.

Спенглер нажал кнопки коммуникатора, установленного в машине на передней панели салона. По своему мини-телефону, который был надет у него на запястье, он мог бы говорить, сохраняя большую видимость конфиденциальности, но он хотел видеть ее лицо.

- Вы простите меня? - обратился он к Пембану небрежно.

- Конечно.

Маленький человечек отвернулся к окну, повернувшись к Спенглеру и коммуникационному экрану спиной.

Спенглер набрал номер. Через мгновение экран засветился, и на нем появилось лицо Джоанны.

- А, Торн.

Ее голос был уравновешенным, холодным, ничего не выражающим, - то есть, нормальным для нее. Она смотрела на него из рамки экрана с выражением, которое почти никогда не менялось: прямо, серьезно, напряженно-внимательно, восприимчиво. Ее кожа и глаза были так чисты, ее эмоциональные реакции были такими обдуманными и мертвенно-бледными, что она казалась совершенно, почти абстрактно нормальной: персонифицированный тип, символ, математическая фикция. Все, что она делала, было изысканно и приглушенно: ее жест, движения, ее редкий смех. Само ее лицо как бы представляло модель, которая соответствовала понятию среднего человека об аристократии.

Разумеется, именно поэтому Спенглеру и хотелось владеть ею.

В этом - и только в этом - отношении она была в точности тем, чем

казалась внешне. Плантеры представляли собой одну из самых древних, наиболее сильных, неопровержимо патрицианских семей в Империи. Без такого союза, и Спенглер это болезненно осознал, он мог продвинуться, насколько позволяли его способности - то есть немного дальше, чем мог надеяться менее решительный человек. С ней, если он приложит усилия, его дети получат по праву рождения все то, за что ему приходилось так бороться, чтобы получить.

Почти во всех остальных отношениях Джоанна была зеркалом иллюзий. Она казалась холодной и выдержанной, но не была таковой, она была просто напуганной. Именно страх замедлял и подвергал внутренней цензуре каждое слово, произносимое ею, каждое движение: страх, что она не оправдает своего положения, страх потребовать слишком многого, страх отдать слишком много.

Он позволил молчанию длиться до тех пор, чтобы стало очевидно, что он колеблется. Затем он сказал вежливо:

- Я не побеспокоил тебя?

- Нет, конечно нет. - Пауза перед ее ответом была чуть длиннее, чем обычно.

Она обижена, подумал Спенглер с удовлетворением.

- Я позвонил бы раньше, если бы мог, - произнес он сдержанно. - Это первая свободная минута, которая у меня выдалась за последние три дня.

Это была ложь и она знала это; но это было так близко к правде, что она могла принять это объяснение, если бы захотела, без ущерба для своего чувства собственного достоинства. Это был кончик ножа, на который Спенглер повесил свою фортуна. Преднамеренно, зная меру риска, он делал их отношения такими тонкими, что любое касание могло разорвать их.

Но существовали ли другие пути, которые он мог бы выбрать? Вопреки себе самому, страх заставил его вновь проследить каждую стадию его логики в поисках ошибки.

Вычеркнут прямой подход. Он просил ее выйти за него замуж через неделю после того, как они стали любовниками. Она отказала ему без колебания и без застенчивости. Она отказала ему вполне обдуманно.

Вычеркнут подход диалектический. У Джоанны был острый и одаренный ум, но она могла быть такой упрямой, как какая-нибудь тупица. Против женского "Я не хочу" не было доводов.

Вычеркнут подход жестокий, проверен экспериментально. Четыре дня тому назад, в конце длинного уик-энда, который они провели вместе в Карпатах, он попробовал жестокость - не импульсивно, а хорошо все рассчитав, чтобы достичь цели. И он действительно ее достиг, довел Джоанну до слез.

После этого - просьба о прощении и примирение. После этого, молчание, длящееся три дня. Молчание ранит сильнее, чем удар, и ранит глубже.

Джоанна провела всю свою жизнь, отступая от того, что ранило ее.

Но у Спенглера было три преимущества на его стороне: привязанность Джоанны к нему и необходимость в нем; обычная человеческая испорченность, когда хочется того, что часто запрещено, именно в ту минуту, когда оно отброшено; а также нарушение ритма. Ритм, часто желательный в некоторых аспектах отношений между полами, - фатален в большинстве остальных. Просьба, довод, ярость - если он начнет цикл сначала, он просто сделает свое поражение более очевидным.

Сейчас он ослабил ее сопротивление, заставив ее собрать его против выпада, которого не будет...

Джоанна заметила:

- Я поняла, ты действительно выглядишь усталым, Торн. У тебя все в порядке?

Спенглер сказал внезапно:

- Джоанна, я хочу видеть тебя. Поскорее. Сегодня вечером. Ты сможешь встретиться со мной?

До этого его тон был таким же безразличным, как и ее, и он мог наблюдать маленькие изменения в ее выражении, которые означали, что она смягчается по отношению к нему. Теперь он заговорил настойчиво и увидел,

как она опять цепенеет.

Никогда не давать ей передышки, подумал он. Никогда не давать ей возможности обрести равновесие... Он опять заговорил мягко:

- Эта встреча будет последней, если ты решишь так. Но разреши мне увидеть тебя сегодня вечером.

- Хорошо.

- Прислать за тобой машину?

Она кивнула, затем ее изображение исчезло. Спенглер со вздохом откинулся на подушки.

- Я тут смотрел, какие высокие здания, - сказал Пембан. - Ничего себе!

Их останавливали еще дважды, прежде чем они добрались до Административного Холма, и прошли процедуру обыска на входе. От этого места до секции безопасности путешествие заняло менее минуты. Шофер расстался с ними у двери кабинета Спенглера. Затем он отогнал лимузин в автопарк, расположенный тремя уровнями ниже.

По контрасту с группой, которая ожидала их за столом под сильным, чистым, ярким освещением, Пембан выглядел как жалкая дворняжка, которая случайно затесалась в чистокровную свору. Его коричневая кожа отсвечивала желтизной, его челюсти были шире, чем его голый череп. Огромные, чудовищно оттопыренные уши торчали в разные стороны. Его туника и брюки были хорошо сшиты, но он выглядел в них беспомощно и неуклюже.

В конце концов Спенглер осторожно напомнил себе, что человек ничего не может поделать с тем, каким он родился.

- Джентльмены, - начал он, - позвольте представить вам мистера Джоя Пембана с Менхевена. Мистер Пембан был членом колониального правительства до того, как его планета получила независимость, и с этого времени служил Империи в разных качествах. Мы пригласили его как эксперта по ритианам. А это полковник Кассина, который обеспечивает связь с космическим военным флотом, его новый личный адъютант капитан Вэй, доктор Бостиан из Бюро внеземной физиологии, представитель мэрии мистер Пембертон, мисс Тимони и мистер Гордон из этого отдела.

Пембан пожал руку каждому, не выказывая при этом заметных признаков благоговейного трепета. К представителю мэрии он обратился с дружелюбным вопросом:

- Вы знаете, Пембертон - первоначальная фамилия моего рода. Просто со временем ее сократили и теперь она звучит как Пембан. Это случайное совпадение, наверное?

Пембертон, хорошо сложенный молодой человек, с тусклыми глазами и волосами, заметно оцепенел.

- Я сомневаюсь, что существует какая-нибудь связь между нашими семьями, - ответил он.

Спенглер взял мнемोकассету, которая лежала перед ним, и резким движением постучал ею по столу.

Мистер Пембан был доставлен сюда с Ганимеда по предложению департамента внешних сношений, - вежливо произнес он, - в связи с чрезвычайными обстоятельствами. Я урегулировал вопрос его прохождения через кордон и лично встретил его на космодроме.

Короче говоря, джентльмены, подумал он про себя, этот невероятный маленький человечек навязан нам сверху и мы должны обращаться с ним как можно лучше.

- Теперь, - продолжил он, - я думаю, что мистера Пембана необходимо ввести в курс дела, прежде чем мы продолжим нашу работу. - Со стороны полковника Кассины раздалось фырканье, которое Спенглер подчеркнуто проигнорировал. Он начал рассказ, останавливаясь на главных моментах быстро и кратко. Пембан остановил его только однажды, чтобы задать вопрос.

- Вы уверены, что это все рити, с которыми пришлось иметь дело, и что их было всего семеро?

- Нет, мистер Пембан, - признал Спенглер. - Мы до сих пор не знаем, как или с чьей помощью они тайно пробрались на Землю, поэтому мы должны учитывать возможность, что остальные все еще не обнаружены. Для решения этой задачи силы безопасности патрулируют по всей планете, используя принцип случайной проверки места. Но мы знаем, что эти семеро были здесь и что один из них еще где-то скрывается. Когда мы найдем его, мы надеемся получить всю информацию, в которой мы нуждаемся. Как я понял, идея самоубийства неприемлема для ритиан.

- Это так, - сдержанно подтвердил Пембан. - Я полагаю, что вы сможете взять его живым. Возможно, вам удалось бы взять всех семерых после аварии, если бы ваши патрульные не стреляли так быстро.

- Это были городские патрульные, - кисло произнес Пембертон. Краска прилила к его щекам. - Городские патрульные, а не люди из службы безопасности. Их поведение полностью соответствовало приказу. Когда они прибыли на место происшествия и увидели трех человек, пытающихся оказать помощь четверым остальным, чьи тела были разорваны и из них выглядывали чужеродные формы, они мгновенно открыли огонь по всей группе. Таковы данные им приказы; так их обучали поступать в аналогичных ситуациях. И они были бы правы даже в том случае, если бы ни одному из ритиан не удалось скрыться в толпе.

Пембан покачал головой, улыбаясь.

- Я не очень хорошо разбираюсь в парадоксах, - сказал он со своим ужасным акцентом, глотая начала слов, - я в них всегда путаюсь.

- Здесь нет парадокса, мистер Пембан, - мягко произнес Спенглер. - Полностью оснащенная всем необходимым команда службы безопасности может справиться с неизвестной силой, с которой городской патруль справиться не может. Патрульный, обнаруживший чужаков на этой планете, должен сначала убить, а затем исследовать, потому что вражеский шпион или диверсант, по определению, имеет неизвестные возможности. Планируя на столетие вперед, как нам приходится делать, мы, совершенно очевидно, не можем предусмотреть каждый возможный вариант базовой ситуации; но мы можем создать и разрабатываем директивы, которые служат нашим интересам в широком диапазоне случаев. И мы не можем, мистер Пембан, не можем позволить чтобы критические решения принимались на месте не уполномоченным на это персоналом.

Полковник Кассина нетерпеливо прочистил горло.

- Может, мы продолжим?

- Еще минуточку. Мистер Пембан, мне хотелось, чтобы этот момент был полностью ясен вам. Интерпретация - это гниение, порча закона. Одна интерпретация - и закон видоизменяется; две - закон искажается, три сотни миллионов - закона нет вообще, а есть чистая анархия. В маленькой системе, охватывающей, например, только одну планету, конечно, существует всего несколько промежуточных стадий между планированием и исполнением. Но если вы учтете, что мы здесь имеем дело с Империей, включающей двести шестьдесят планет, в совокупности охватывающих более чем восемьсот миллиардов людей, вы осознаете, что директивы должны быть жесткими и унифицированными. В непредвиденных случаях должностные лица низшего эшелона, которые действуют в соответствии со своей личной интерпретацией, могут быть правы или могут ошибаться. Но эти же должностные лица, которые следуют жесткому курсу и подготовлены к широкому диапазону возможных вариантов действительных ситуаций, будут правы в 99,9 процентах случаев из ста происшедших. Мы смотрим далеко вперед, мы не можем позволить себе поступать иначе.

Пембан серьезно кивнул.

- У нас дома существуют те же проблемы, - сказал он, - конечно, в меньших масштабах. Сразу же после того, как мы объявили о своей независимости, мы сформировали федерацию с двумя другими планетами нашей системы, Новой Землей и Реюнионом. Казалось, что это хорошая идея. Вы понимаете, для совместной защиты и тому подобное. Но мы обнаружили - чтобы поддерживать такое большое правительство в рабочем состоянии, мы должны

чудовищно повышать его жестокость. И в любом случае оказывается, что его содержание обходится не дешевле, чем содержание трех разных правительств. Поэтому мы опять разъединились.

Спенглер с трудом сохранял любезное выражение на лице. Шея полковника Кассины покраснела, а доктор Бостиан, капитан Вэй и мисс Тимони уставились на Пембана с искренним изумлением.

Действительно, только даром растрачиваешь время, обсуждая проблемы с такими дикарями, как этот. Стараешься объяснить ему философию, скрывающуюся за работой огромной Империи, в историческом плане и все, что Пембан выносит из объяснения, - это по-детски наивная аналогия с историей своей собственной малюсенькой планетной системы!

Он, прищурившись, рассматривал маленького человечка. Ему пришла в голову мысль, что, может быть, Пембан действительно так прост, как кажется, и можно просто посмеяться у него за спиной над его бесстрастным желто-коричневым лицом.

Пембан высказал несколько мыслей, которые можно было объяснить либо наихудшим отсутствием такта, либо полнейшим слепым невежеством. После упоминания Спенглера о "получении независимости" Менхевеном - действительно вежливая форма определения реалий, так как Менхевен отделился от Империи только по молчаливому согласию Земли в то время, когда она была занята другими проблемами, - Пембан заявляет: "После того, как мы объявили (!) о нашей независимости..."

Неточность или обдуманное точно выверенное оскорбление?

Не сказал ли Пембан этим: "Сейчас в вашу Империю входит двести шестьдесят планет и восемьсот миллиардов людей, прекрасно, но раньше было гораздо больше, а через столетие будет намного меньше..."

Несносный маленький планетопоклонник...

Полковник Кассина обратился к Пембану:

- Правильно ли я вас понял, что вы советуете и нам также разъединиться, как вы выразились? Вы хотите внушить нам, что Империя должна быть ликвидирована?

Кассина фыркал и отплевывался при каждом слове. Лицо Пембертона побелело от возмущения. Примечательно, отметил Спенглер уголком своего разума, как легко Пембану удалось сбить их всех на ложный путь. Ему придется постараться улаживать все так, чтобы следующие конференции проходили без Пембана.

- Джентльмены, - произнес Спенглер, слегка повышая голос, - можем ли мы продолжать?

После того, как конференция была закончена и все ушли, Спенглер перешел во внутренний кабинет и стал с отсутствующим видом перебирать кнопки, которыми управлялся большой информационный экран, расположенный напротив его стола. Он подключал одну организационную схему за другой, не глядя ни на одну из них.

После столкновения с Кассиной Пембан стал вести себя прилично, стал выбирать слова. Но то, что он говорил, было не просто раздражающим, но беспокоящим.

Началось с обычного выражения недовольства со стороны Пембертона, который выступал от имени мэрии. Как почти каждое планетарное или местное государственное отделение, за исключением службы безопасности, городская администрация хотела знать, когда ритианин будет схвачен и закончится охватывающая всю планету блокада.

Спенглер уверил его, что ритианину вряд ли удастся прятаться больше недели.

И тут Пембан заметил:

- Простите меня, господин уполномоченный, но я думаю, что следовало бы более осторожно называть срок. Разумнее всего будет указать два месяца.

- Но почему, мистер Пембан?

- Потому что ритианам требуется большое количество бериллиевых солей

в пище. Как я понимаю, у этого ритианина может быть с собой запас на шесть-восемь недель. После этого вы можете либо законсервировать все запасы бериллиевых солей, таким образом он вынужден будет сдаться или умереть от голода, либо просто установить наблюдение за магазинами от химических складов и арестовывать каждого, кто покупает бериллиевые соли. С помощью любого из этих способов вы поймаете его. Может занять немножко больше двух месяцев. Скажем, два с половиной или три.

- Мистер Пембан, - сказал Спенглер с ледяным спокойствием, - это прекрасный план, но в нем нет необходимости. Проверка всех домов обнаружит ритианина до конца недели.

- Вывести каждого человека из здания и заставить пройти через эти флюороскопы?

- Именно так, - ответил Спенглер. - Квадрат за квадратом, проверка будет двигаться от окраины города к центру.

- Угу, - промычал Пембан, - только дело в том, что рити не имеют костей.

Спенглер поднял брови и посмотрел на доктора Бостиана.

- Это так, доктор?

- Да, как я понимаю, - сказал физиолог сдержанно, - но я полагаю, что это и будет достаточным указанием - если флюороскоп покажет слишком мало хрящей или отсутствие костей.

Смех прокатился вокруг стола.

- Да, - заметил Пембан, - если только он не проглотит скелет.

Кассина сказал что-то грубое оскорбительным тоном. Спенглер, внутри которого закипало скептическое восхищение, посмотрел на Пембана.

- Проглотит скелет?

- Угу. Вы, люди с Земли, наверное не знаете об этом. Я так полагаю, потому что вы не общались с рити... Хотя бы общение с научной целью... Но рити могут... - Он заколебался. - Мы называем это "mudabs boyo"; думаю, что на стандартный язык это можно перевести, как "изменчивая внутренняя часть".

- Изменчивая! - воскликнул доктор Бостиан.

- Да, сэр. Их внешняя форма фиксирована, почти также, как и наша, и обычно у них нет необходимости маскироваться, чтобы выглядеть, как человек. Но почти все их внутренности - это изменчивая плоть, из которой можно формировать желудок, или кишечник, или мочевой пузырь, или еще что-нибудь, что необходимо в данный момент. Они прекрасно могут проглотить человеческий скелет - он совсем не причинит им каких-либо неудобств. И они могут имитировать все человеческие внутренности, чтобы провести вас. Они могут также сделать это таким, чтобы внутренности двигались и сокращались естественным для человека образом. Это означает, что им не нужны какие-либо крепления или что-то в этом роде, а только пластичная оболочка для маскировки. Мне неприятно говорить об этом, но я не верю, что эти флюороскопы могут принести какую-либо пользу в этом деле.

На мгновение вокруг стола опять поднялся шум...

Спенглер заворчал, включил диктофон и начал диктовать отчет о конференции.

- Клоду Кейт-Ингрему, Председателю Комитета безопасности, - продиктовал он. - Совершенно секретно. Очень срочно.

Он на мгновение задумался, затем быстро написал отчет об утверждении Пембана, добавив, что доктор Бостиан сомневается в правильности его информации, и отметив, что сам Пембан утверждает, что ему никогда не приходилось на деле убедиться в свойстве ритиан изменять внутреннее строение тела.

Он перечитал свой доклад, затем вынул кассету и поместил ее в выходную трубу.

Он все еще чувствовал неудовлетворенность.

Он сделал все, что могли от него ожидать, совершенно точно в соответствии с инструкциями. Если курс нужно изменить, то это не его дело. Логика и инстинкт подсказывали ему, что Пембана не следует воспринимать

всерьез.

Но было что-то еще такое, о чем говорил Пембан и что все еще беспокоило Спенглера по причине, которой он не мог объяснить. Он не включил этого в свой отчет; это бы показалось начальству, мягко говоря, легкомысленным.

Пембан сказал: "Есть еще нечто, на что нужно обратить внимание - эти ритмы имеют чертовски своеобразное чувство юмора".

Спенглер протянул руку к кнопке многосторонней связи.

- Гордон, - обратился он.

- Да, сэр?

- Вы нашли квартиру для мистера Пембана?

- Да, сэр.

- Где он?

- Уровень G, секция 7, номер 1-11.

- Хорошо, - сказал Спенглер и выключил многостороннюю связь. Он встал, вышел из кабинета и вызвал скутер.

- Уровень G, - произнес он в механическое ухо машины.

2

Дверь в номер 1-11 была приоткрыта. Внутри номера баритон что-то напевал под аккомпанемент какого-то струнного инструмента. Спенглер остановился и прислушался.

Odum Pawkee mont a mut-ting

Vagis cash odum Paw-kee

Odum Pawkee mont a mut-ting

Touda por tash o saw-fee!

Раздался финальный аккорд, затем послышался глухой стук и бречанье полого деревянного предмета, когда инструмент клали, затем раздался звон кубиков льда о стенки бокала.

Спенглер положил руку на дверную пластинку. Вслед за дребезжанием звонка сразу послышался голос Пембана:

- Входите!

Пембан уютно устроился в шезлонге, воротничок его рубашки был расстегнут, а ноги высоко задраны вверх. В бокале, который он держал в руке, судя по цвету, было неразбавленное виски. На низком столике, стоящем сбоку от него, располагались остатки трапезы, вполне подходящей для человека нормальных размеров. Там же стояли графин, ведро со льдом и несколько чистых бокалов, а также лежал инструмент - маленькая круглая штука с выпуклой декой и тремя струнами.

Маленький человечек гибко качнулся в шезлонге и поднялся.

- Я так надеялся, что кто-нибудь позвонит, - сказал он радостно. -

Почему-то чувствуешь себя ужасно одиноко в этом месте - более одиноким, чем человек в горах за тысячи миль от людей. Присаживайтесь, господин уполномоченный, вот удобный шезлонг. Бокал виски?

Спенглер присел на кресло с прямой спинкой.

- Это кресло меня вполне устроит, - сказал он. - Спасибо за виски, но у меня нет такого желудка, как у вас.

Пембан посмотрел на него встревоженно, затем улыбнулся.

- Я попрошу принести содовой, - сказал он.

Он снова разместился в шезлонге, нажал кнопку многосторонней связи и сделал заказ.

- Я выглядел удивленным несколько секунд назад, когда вы произнесли свою фразу, - начал он объяснять, повернувшись набок, - потому что у нас есть такое выражение на Менхевене. Когда мы говорим: "У меня нет такого желудка, как у вас", это означает: "вы мне не нравитесь", "мы друг другу

несимпатичны". По-нашему это звучит так: "E no ay to stoma".

Неожиданно Спенглер почувствовал угрызения совести, - конечно, Пембан знал, что он здесь не понравился, - а затем в нем поднялась волна раздражения. Черт побери этого человечка! Как ему всегда удается поставить всех в неловкое положение.

Спенглер старался сохранить небрежный, дружественный тон.

- Что это была за песня, которую вы пели как раз перед моим приходом?

- А, эта - "Odum Pawkee Mont a Mutting".

Он взял инструмент и пропел припев, который Спенглер слышал. Спенглер слушал, очарованный, несмотря на свои противоречивые чувства, которые он испытывал к этому человечку. Мелодия была простой и веселой, такая, подумал он, хорошо поется, когда едешь, сидя на спине мула... или на спине какого-то, скверного вида животного, которого жители Менхевена используют вместо мула.

Пембан положил инструмент.

- На английском это означает: "Старина Поки карабкается на гору, облака закрыли старину Поки. Старина Поки карабкается на гору, всего лишь из-за чашечки кофе".

- Есть еще куплеты?

Пембан комически расширил глаза.

- О, конечно! Существует около триллиона куплетов. Я знаю только каждый десятый, но если я буду петь их все, то нам придется сидеть здесь целую ночь. Эта песня, как сага. Старина Поки был поселенцем, который жил в Безумных Горах в давние времена. Там умеренный климат, но несмотря на подходящие климатические условия, это ужасная дикая страна, где все дороги ведут либо круто вверх, либо круто вниз. Он любил кофе, но, конечно, там его не было. Он услышал, что есть немного кофе в городке Гранпи, расположенном недалеко от космодрома, внизу, в равнинной части страны, и он пошел туда пешком. Двадцать две сотни километров. По крайней мере, так говорят.

Дверца конвейера хлопнула, открываясь. Пембан подошел, взял содовую и налил Спенглеру в бокал виски с содовой.

- Да, в те времена совершались большие дела... Но также рассказывали и большую ложь, - добавил он.

Спенглер испытал непонятный шок, который заставил его вздрогнуть. Делая осознанные усилия, чтобы расположить себя по отношению к Пембану, понять человека в его собственных жизненных условиях, он постарался создать картину, которой не трудно было восхититься: дикая, колоритная, свободная жизнь поселенцев, трудности, которые они достойно принимали и старались победить, героические дела, которые совершали мимоходом и так далее, и так далее. А затем Пембан сам, одной фразой, равнодушно разрушил эту картину. "Также рассказывали и большую ложь".

Хорошо, Пембан не верил в Империю. Но если у него не было уважения к традициям его собственной планеты, тогда, во имя всего святого, во что же он верил?

Спенглер был человеком, который очень старался быть либеральным. Но сейчас, вглядываясь в круглое коричневое лицо Пембана, в желтоватые белки его глаз, он подумал еще раз: это пустая трата времени, попробовать понять этого человека. Он не цивилизован; он мыслит, как животное. Просто не существует точек соприкосновения.

Спенглер резко сказал:

- На собрании вы упомянули кое-что о чувстве юмора ритиан. Что конкретно вы имели в виду?

Он подумал:

- Через несколько минут я вернусь в свой кабинет. Я выпью половину этого бокала, ровно половину, и затем уйду.

Пембан откинулся назад, расслабляясь, немного повернув голову, и глядя живыми настороженными глазами на Спенглера.

- Ну, видите ли, - произнес он, - у них есть особенности в этом отношении. Они действительно высокоразвитые существа, в технологическом

плане, и вы знаете это. Но то, что у них вызывает смех и веселье, скорее напомнит вам какую-нибудь провинциальную планету, подобную Менхевену. Может, именно поэтому мы так хорошо поладили с ними - юмор жителей Менхевена примитивен. Выдернуть стул из-под человека, который собирается на него сесть. Такого рода вещи. Но они развлекают нас.

Они могут пройти сорок миль в сторону от своего пути, чтобы сыграть какую-нибудь шутку, даже если это не бог весть какое великое дело. Я слушал роман, написанный одним из их признанных писателей - двенадцать кассет, должно быть, более пятисот тысяч слов - таким образом он подводил читателя к грязной шутке, поведенной им в самом конце повествования. Это был бестселлер в их планетной системе. И они с ума сходят от каламбуров. Обожают играть словами. Некоторые их фразы имеют пятнадцать или двадцать значений.

Спенглер на какое-то мгновение с трудом напряг память, а затем нашел соответствующий факт со времени обучения.

- Как у Джойса, - сказал он. - Декадент двадцатого столетия.

- Угу, - согласился Пембан. - Я когда-то мог цитировать целые страницы из "Пробуждения Финнегана": "...бег реки, мимо Адама и Евы, от отклонений берега до изгиба залива, несет нас просторными витками многократных повторений..." Это детский лепет по сравнению с литературой ритиан.

Спенглер осторожно глотнул коктейль и поставил бокал на широкий подлокотник кресла. Он чувствовал большое, хладнокровное, хорошее упорство человека, который знает, как освободиться от своих собственных жалких эмоций.

- Мне не хотелось бы показаться тупым, - сказал он, - но какое отношение все это имеет к моей проблеме?

Брови Пембана слегка изогнулись. Он выглядел встревоженным и подыскивал слова.

- Ну, в общем-то, никакого особенного, - честно признался он. - Я только хотел сказать, что вообще вам следует понаблюдать за проявлениями чувства юмора. Я имел в виду, что вы уже знаете, что этот рити собирается причинить вам вред, если сумеет. Но вы должны помнить также, что если он сумеет, то он постарается сделать это таким образом, который покажется ему уморительным до колик. Трудно представить себе, каким образом рити собирается напасть, но иногда это можно сделать, если знать, что может рассмешить их.

Спенглер отпил опять, оставив ровно половину напитка в бокале, и встал. Он был немного раздражен тем, что вообще пришел сюда, но по крайней мере он был удовлетворен, зная, что этот путь тоже был исследован и ни к чему не привел, что величина X сведена к нулю.

- Спасибо, мистер Пембан, - сказал он у двери, - за выпивку и информацию. Доброго вам вечера.

- Вы также должны отслеживать случаи гипнотизма, - сказал Пембан напоследок.

Спенглер молча замер в дверях. Пембан смотрел на него с вежливо-вопросительным выражением на лице.

- Гипнотизм! - повторил Спенглер и вернулся в комнату. - Так что насчет гипнотизма?

- О Господи! - вскричал Пембан, - разве вы не знаете об этом?!

Они лежали рядом в приветливой тишине темной комнаты лицом к огромному окну - не окну-экрану, а окну в его архаическом виде, представляющему собой, по сути, просто дыру в стене. Через это окно беспрепятственно проходило легкое, как перышко, дуновение холодного, соленого воздуха. С обеих сторон, там, где берег вдавался в воду мысом, Спенглер видел скопления многоцветных огней - Анжелес, как положено, справа, Санта-Моника слева. Впереди не было ничего, кроме серебристого моря и легких серых облаков над ним, похожих на привидения. Иногда

маленькая искорка воздушного корабля беззвучно пересекала небо и исчезала.

Ощущалось присутствие огромной Вселенной, которая вливалась через открытое окно, чтобы вместить их в себя, размышлял Спенглер, как будто они были двумя песчинками в океане, которые тянулись к бесконечности.

Каким-то образом это умиротворяло, но одновременно было в этом и что-то неприятное. Спенглер все время перемещал свое тело, чувствуя прикосновение бриза на обнаженной коже. Слишком большой контраст, подумал он. Возможно, он слишком привык к кроличьим норах Административного Холма, и теперь неспособен чувствовать себя легко вне его стен. Возможно, ему нужны перемены...

- Ветер становится несколько прохладным, - заметил он. - Давай закроем окно и зажжем свет.

- Мне казалось, что это так прекрасно, - ответила она. - Но можешь делать так, как тебе хочется.

Теперь я нанес оскорбление ее окну, подумал Спенглер. Однако он подошел к окну и нашел кнопку, которая приводила в действие механизм, опускающий стеклянный щит перед окном.

Окно было обломком ушедшей эпохи, XXI-го столетие. Даже античный сервомеханизм, который управлял им, принадлежал прошлому. Таким было и все остальное в башне Джоанны: нелепые стулья на четырех ножках, массивные столы, ковры, даже огромная пневматическая кушетка. Тут на полках стояли бумажные книги, и это был не обычный подбор декоратора, но книги, которые хорошо начитанные жители двадцать первого столетия действительно имели - Шекспир и Стерн, Джонс и Джойс, Гомер и Хемингуэй - все стояли вперемешку. Если бы мода позволила ей, подумал Спенглер, Джоанна бы носила платья.

По комнате разлилось сияние света с розоватым оттенком, и он повернулся, чтобы посмотреть на Джоанну. Одна ее тонкая рука обвивала колени, ее голова с серьезным выражением склонилась над зажженной сигаретой, которую она только что взяла из раздаточного устройства. Она вручила ему другую сигарету.

Спенглер разместился рядом с ней и откинулся на спинку кушетки. Дым от их сигарет расплывался, розовый в полусвете, и медленно превращался в плавающую дымку.

Изогнутые стены и потолок комнаты, ограждали их, создавая атмосферу уюта и защищенности.

XXI столетие, столетие мира и покоя, было колыбелью, подумал Спенглер. Это толкование принадлежало Джоанне, не ему; она вычитала его в какой-то из книг. "Колыбель с видом на окружающий мир". Именно так. По-детски фантастическое описание, как и следовало ожидать от той эпохи, но достаточно точное. К несчастью, самообман не входил в перечень пороков Джоанны. Чтобы завоевать ее окончательно и полностью, нужно было разбить ясное представление, которое она имела о себе, бросить ее плывущей в хаосе, сделать так, чтобы она повернулась слепо к нему, ища именно в нем свою утраченную безопасность. Это нелегко сделать.

Не двигаясь, Джоанна сказала:

- Торн, мне хотелось бы поговорить с тобой серьезно, всего несколько минут.

- Конечно.

- Возможно, ты знаешь, что я собираюсь сказать; но чтобы расставить все на свои места... Ты хочешь, чтобы мы были вместе?

Стараясь попасть ей в тон, Спенглер ответил:

- Да.

- Я тоже хочу этого. Ты знаешь, что я люблю тебя больше, чем любила когда-нибудь кого-то другого. Но я никогда не выйду за тебя замуж. Ты должен верить в это и принять такое положение вещей, если же это тебе не подходит... Я стараюсь быть честной с тобой.

- Тебе это удастся, - с легкостью произнес Спенглер. Он повернулся и положил руку на ее колено. - Чтобы быть таким же честным, хочу сказать, что я вел себя несносно по отношению к тебе. В последний уик-энд я вообще вел себя, как маньяк, я прошу прощения за это. Можем мы оба забыть об

этом?

Она улыбнулась.

- Да. Конечно.

Ее губы двигались и менялись по мере того, как он все ниже наклонялся к ней: уголки опустились вниз, розовая влажная плоть набухала слепым желанием. Его свободная рука утонула в мягкости ее спины, внезапно отяжелевшей, когда ее тело напряглось. Глаза закрылись, он услышал шелест покрывал, когда ее ноги стали медленно выпрямляться на кровати.

Затем он лежал, окутанный теплой ленью, которая напоминала скольжение в спокойной воде. Требовалось усилие, чтобы заставить себя выйти из этого бездумного состояния удовлетворенности, но это нужно было сделать. Так же, как был раним он в этот момент, была ранима и Джоанна. Когда она заговорила с ним лениво, он стал отвечать ей с нарастающей скованностью, пока не почувствовал, что его напряжение передалось и ей.

Затем он резко перевернулся, поднялся и встал возле окна, уставившись на громадную отвратительную пустоту неба и моря. Теперь было легче. Часто в детстве он преднамеренно доводил себя до состояния белого каления, так как если он не заставлял себя злиться, то его переполнял страх. Так и теперь, он обдуманно пошел по дороге отчаяния.

Предположим, что я проиграл и потерял Джоанну, думал он. Но этой мысли было недостаточно. Что могло быть самым ужасным и неприятным? Ответ пришел сам собой: Пембан и его ритиане с их телом без костей и гипнотизмом. Бесформенные лица, смотрящие из моря темноты. Допустим, что они победят. Предположим, что Империя рухнет под напором бесчувственной, лишенной разума волны, и все стены повсюду падут, и настанет душливый Хаос.

Раздался ее голос:

- Торт? Что-то случилось?

Он обернулся, дрожа от холодной пустоты, которую нарисовал его ум. Какое-то мгновение все это было реальностью, это произошло, оно было здесь. Он был потерян и одинок, несчастный человек в бесконечной ночи.

Когда он повернулся к ней, он знал, что агония, которую он вообразил, ясно отразилась на его лице. Он делал все возможное, чтобы сдержать и подавить ее, и это тоже должно было быть заметно.

- Ничего, - ответил он. Он обошел кушетку, прошел мимо нее, чтобы взять сигарету, затем двинулся к туалетной комнате.

- Ты уходишь? - неуверенно спросила она.

- Я должен быть рано утром на работе, - сказал он. - А мне еще нужно хотя бы немного поспать.

- ...Хорошо.

Скрывая свою личину, он подошел к ней и взял ее за руку.

- Не обращай на меня внимания. Я сейчас немного нервный - эта неделя у меня очень неприятная. Я позвоню тебе завтра.

Ее губы улыбались, но глаза ее были широко раскрыты и взгляд рассеян. В них была предусмотрительность и намек на что-то еще - возможно, удовлетворение, смешанное с чувством вины.

Спенглер ехал домой с чувством удовлетворения, которое перерастало в неудержимую радость. Если она поймет, что может ранить его, поймет настолько, что будет ожидать этого, что ей это будет нравиться, тогда со временем она сможет безропотно вынести мысль, что и ее могут ранить. Необходимо только действовать очень медленно, продвигаясь вперед и отступая, меняя поведение, постепенно разбивая ее защиту, пока в конце концов, или из чувства вины, или желания получать удовольствие, или из-за любви она согласится выйти за него замуж.

Потому что любовь и удовольствие, страх и ненависть, гордость и амбиции, - это все двери, которые можно открывать и закрывать.

И ключом к этим дверям была боль.

Рано утром на следующий день, сидя один в своем внутреннем кабинете,

Спенглер с несчастным видом смотрел на экран, с которого на него уставилось широкое, серое лицо Клода Кейт-Ингрема.

- Ты спросил Пембана, почему он не поделился этой информацией раньше?

- резко спросил Кейт-Ингрэм.

- Да, спросил, - сказал Спенглер. - Он ответил, что считал, что мы знаем об этом, так как известно, что Империя владеет наибольшими познаниями в сфере психологии безопасности в заселенной Галактике.

- Гм, ты думаешь, что это сарказм? - спросил начальник Спенглера, мрачнея.

Спенглер заколебался.

- Мне бы хотелось ответить с определенностью "нет", но я все же до конца не уверен. Пембан не из тех людей, которых можно легко понять.

- Хорошо, я понял, - произнес Кейт-Ингрэм. - Однако, у него абсолютно безупречное досье в службе Внешнего мира. Я не думаю, что может стоять вопрос о том, что он действительно проявляет нелояльность.

Спенглер молчал.

- Хорошо, так что там по поводу этой предполагаемой псевдогипнотической способности ритиан? Какова ее сила?

- По словам Пембана, полный контроль при очень благоприятных обстоятельствах. Он утверждает однако, что это процесс очень медленный и ограниченный во времени. Иными словами, ритианин может установить контроль над одной или двумя личностями, если он будет с ними один на один, и они будут захвачены им врасплох, не предполагая таких действий с его стороны; но он не сможет ни при каких обстоятельствах контролировать большую группу или даже маленькую группу людей в чрезвычайных обстоятельствах.

Кейт-Ингрэм кивнул.

- Теперь по поводу возможности изменять свое строение, - он глянул вниз на что-то, что лежало у него на столе, за пределами действия сканера, - никто из доступных нам агентов, которые служили в ритианской системе, никогда даже не намекал в своих докладах о чем-то подобном.

Спенглер кивнул.

- Этот факт может говорить о многом или ни о чем.

- Да, - произнес убежденный сединой человек. - В целом, я склоняюсь к мысли - так же как, очевидно, и ты, что этот факт ни о чем не говорит. Пембан может быть компетентен и тому подобное, но он не наш, не земной, и он не из службы безопасности. Но надеюсь, я не должен напоминать тебе, что если он окажется прав во всех отношениях, то у нас сложится очень серьезная ситуация.

Спенглер мрачно улыбнулся и опять кивнул. Кейт-Ингрэм был известен язвительными, но сдержанными замечаниями. Если Пембан прав, то отсюда следует, что агенты Империи, работающие в системе ритиан, доставляют ровно столько информации, сколько позволяют им ритиане.

Кейт-Ингрэм почесал щеку квадратной, хорошо ухоженной рукой.

- Итак, подытожим. Обычные процедуры не дали никаких результатов.

- Правильно, - согласился Спенглер.

Если будет использован весь доступный персонал, для завершения домашних проверок потребуется еще четыре дня. До этого момента отрицательные результаты не будут доказывать ровным счетом ничего.

- И по словам Пембана, эти процедуры не дадут ничего. Предлагает ли он альтернативное решение, что-нибудь иное, чем его предложение о бериллиевых солях?

- Нет, сэр. И по этому предложению на поиски потребуется затратить от одного до двух с половиной месяцев.

- Хорошо, может он сможет предложить что-либо более полезное. Спроси его. И если такое предложение последует, опробуй его.

- Ладно, будем поддерживать связь, Торн, - сказал седовласый человек, подарив Спенглеру свою второсортную улыбку, - и если всплывет еще что-нибудь необычное, не стесняйся выходить ко мне на прямую связь.

Экран очистился.

Еще несколько мгновений Спенглер смотрел на пустой экран, задумчиво

пожевывая губы, затем откинулся на спинку кресла, с отсутствующим видом перебирая ряд кнопок управления, расположенных на краю стола.

Вдруг Спенглер обнаружил, что совершенно бессознательно он в уме заново прокручивает фильм, снятый в системе ритиан и показанный на брифинге работников службы безопасности для проведения исследований в сфере разведывательных данных.

Сначала был виден буйный, дикий фон, в котором преобладали зеленый и золотой цвета; формы были такими необычными, что требовалось несколько секунд, чтобы приспособиться к их восприятию. Затем приходило осознание того, что зеленый фон - это колеблющаяся завеса широколистных лиан, а всплески золотого цвета - это замысловатые, с множеством лепестков цветы. На заднем плане, едва заметная, виднелась тонкая конструкция из металла, а за ней - неожиданный проблеск туманно-голубого, предположительно открытого пространства.

Затем на экране появился ритинин.

Первое, что приходило в голову при виде ритиан - пауки, и Спенглер помнил, что он невольно вскочил; пауки всегда приводили его в особый ужас. Затем, когда существо остановилось перед камерой, стало понятно, что оно имеет не больше сходства с пауком, чем осьминог или обезьяна.

Странно, но его очертание более всего походило на эти огромные золотые цветы. Был виден круг щупалец, лежащих мягко S-подобными кривыми, а под ним другой. Тело существа представляло собой мягкий мешочек, который свободно свисал за нижним рядом щупалец; голова существа состояла почти полностью из двух огромных матово-красных глаз. Тело существа было покрыто коротким, кажущимся на вид мягким, коричнево-желтым мехом. Но, возможно, это были колючки.

Некоторым людям, как предполагал Спенглер, ритинин мог показаться прекрасным. Людям, которые делали вид, что находят красоту в полосатых, овальных телах больших жуков.

Существо быстро повернулось, в следующий момент повисло и стало карабкаться по лианам, теряясь в массе ветвей.

Далее была показана другая сцена: темно-зеленый фон, на этот раз скорее мрак леса, чем парковый город. В поле зрения показался ритинин, цепляющийся за гладкий багрянистый ствол дерева. Три его передних щупальца держали длинный тонкий предмет, который скорее всего представлял собой оружие. Несколько минут он висел, не шевелясь. Затем оружие слегка переместилось и блестящая вспышка фиолетового пламени вырвалась из него. Далеко на заднем плане что-то красноватое пронзительно вскрикнуло и грузно бросилось продираться сквозь ветви.

Это было все, но и эта малость производила достаточное впечатление. Оружие, показанное в фильме, очевидно, было эквивалентом легкого спортивного ружья. Оно было сравнимо по действию с ружьем Mark LV Becket.

Были и другие фильмы; Спенглер не видел их, но он мог представить, что в них показывалось. Картины ритианских фабрик, панорама ритианских космических кораблей, ритианские лаборатории. Неважно, какие там были детали, но в массе они произвели достаточное впечатление, чтобы убедить стратегов Земли, что начать войну против ритиан губительно для Империи.

Поэтому началась медленная кампания, направленная против ритиан: экономические диверсии, подрывная деятельность, пропаганда. Никаких открытых действий; ничего, что можно было бы наверняка связать с людьми Земли, маскировавшимися в ритианской системе под торговцев, не связанных с Империей. Маленькие разрывные бомбы, при помощи которых были разрушены многие более слабые планеты, не применялись. Ведь ритиане имели выход в космос, у них были колонии и космический флот, и такие существа могли ответить тем же, обнаружив, что их мир разрушают. Кампания должна была быть направлена на медленное, терпеливое изнурение, разработанное для того, чтобы ослабить ритиан как расу и галактическую нацию, разделить их политически, препятствовать их экономическому и интеллектуальному развитию, опутать их такой искусной сетью разнообразных мелких трудностей, что в итоге, не зная откуда все это на них свалилось, ритиане обнаружат,

что гребень волны накрыл их, что они отброшены на дно истории. Все это, конечно, займет столетия. Земля может позволить себе ждать.

Но ритианам удалось обнаружить своих врагов. И теперь ситуация абсурдно изменилась. Никакие знания землян о ритианах нельзя было считать достоверными. Ритиане могли быть и сильнее, и слабее, чем думали на Земле. Единственное, что казалось определенным, – так это то, что они не такие, какими кажутся после просмотра фильмов и чтения ответов агентов, переданных на Землю.

Даже наилучшее планирование бывает не всегда успешным, подумал Спенглер. Стало понятно, что Земля в конце концов встретила противника, против которого не срабатывала ни сила, ни хитрость. Озадаченный, Спенглер позволил себе мысленно сосредоточиться на видении Вселенной, в которой человеческая раса уничтожена, как были истреблены многие расы, встретившиеся с расой, превосходящей их силой и коварством. Это напоминало попытку представить себе дальнейшую жизнь Вселенной после собственной смерти; в интеллектуальном плане это было легко сделать, в эмоциональном – невозможно.

Во всяком случае, игра еще не была проиграна. И потом, с ухмылкой напомнил себе Спенглер, он не обременен ответственностью пересматривать военную политику Земли. Перед ним поставлена одна простая задача, которую он должен выполнить.

Найти ритианина.

Эта мысль привела его неминуемо обратно к Пембану. Раздражение вернулось к Спенглеру и стало нарастать. Бормоча: "Черт побери этого человечка!", он поднялся и стал нетерпеливо мерить шагами кабинет.

Спенглер был профессиональным администратором, а не оперативником службы безопасности, но его отличительными чертами были добросовестность, скрупулезность и заинтересованность в работе, к тому же он работал в этом департаменте уже пятнадцать лет. Он никогда ни к кому не питал таких чувств, какие он сейчас испытывал к Пембану. Он был сбит с толку, чувствовал себя не в своей тарелке, его разум был заполнен какими-то смутными подозрениями, не имевшими ни источника, ни ярко выраженного направления.

В третий раз за этот вечер он присел к столу и стал перелистывать досье Пембана. Кейт-Ингрем был прав, репутация этого человека была абсолютно чистой. Империя доверяла ему настолько сильно на протяжении тридцати лет, насколько она вообще могла доверять жителю колонии. Но департамент безопасности в действительности никогда не прекращает сбора информации о ком бы то ни было. С момента прибытия Пембана на Землю крошечное автоматическое следящее устройство следовало за ним, куда бы он ни направлялся. Даже на незначительном расстоянии устройство можно было принять за маленькое летающее насекомое. Его сверхминиатюрная внутренняя начинка записывала как каждое сказанное Пембаном слово, так и то, что говорилось в его присутствии.

В первый день своего пребывания на Земле, после конференции в кабинете Спенглера, Пембан оставался в своих апартаментах, никуда не звонил и ни с кем не встречался, кроме самого Спенглера. На следующий день он рано вышел из дома и провел все утро, осматривая окрестности. В полдень, после ленча на Холме он прошелся по магазинам и купил несколько небольших предметов, как значилось в отчете, в специализированных магазинах на Гранд Молл и на Проспект Авеню. Владелец одного из магазинов был бывшим жителем Внешнего мира, его звали Перо Минес. Краткое изложение его досье прилагалось к отчету. Личность Минеса не вызывала подозрений, за исключением факта его происхождения. Оба мужчины разговаривали на стандартном английском языке и разговор их был кратким.

На третий день Пембан сделал два звонка, один – члену торговой миссии планеты Глорифилд, а другой – бывшему кабинет-министру Менхевена, который теперь проживал в городе; позже он встретился с ними за ленчем. Их беседа была записана полностью. Она содержала случайные реплики на стандартном языке, в основном же велась на диалектах Внешнего мира.

Спенглер беспокойно заерзал в кресле, когда перечитывал перевод их беседы. Машинный перевод был явно неудовлетворительным.

Пембан: "Oo taw pree don stoma pi vantam combe? [Где (откуда) вы взяли такой живот за двадцать лет, товарищ?]"

Купо: "De manj, re penz - no t'ay stoma ti! [От еды, что (вы) думаете - вы имеете не маленький живот!]"

Пембан: "Dakko! So pelloke gri! [Согласен! Я серый попугай!].

Выражение "серый попугай", без сомнения, имело какое-то идиоматическое значение, которое появилось в ужасно изменчивом языке Внешнего мира, Судя по всему, не так давно - уже после пересмотра словарного банка данных для машинного перевода. Невозможно было справиться с своевременной регистрацией этих данных; каждый день в языке происходили какие-то изменения, новые выражения появлялись, старые выражения исчезали. Компьютерами постоянно просматривались современные публикации Менхевена, фильмы, телевизионные передачи, отслеживаемые межзвездные сообщения. В тех случаях, когда для сомнительных фрагментов можно было подыскать удовлетворительную интерпретацию, новое значение заносилось в машину для дальнейшего использования; но через неделю, или месяц, или год эти хранимые выражения и их интерпретация опять становились бесполезными.

Какой разительный пример превосходства Империи над путаными, свободно организованными Внешними мирами! В стандартном языке четко известно, что есть что. Существовал общий словарь объемом в девяносто тысяч слов, а также технический словарь и словарь специальных терминов, каждый объемом в пятнадцать тысяч слов, и каждое слово в словаре имело определенное значение. Новые слова и вариации значений старых слов должны были утверждаться тремя уровнями Консультационной Комиссии по стандартному английскому языку; и они вводились с очень большой осмотрительностью. В результате был получен удивительно точный и все же очень гибкий язык, который мог быть понят без ошибок любым говорящим на нем человеком.

В противоположность такому подходу жители Внешних миров воспринимали язык, как некую игру. Им доставляло наслаждение менять его, искажая уже загрязненную речь, они как бы соревновались друг с другом в использовании неологизмов, новых оборотов фразы. Как они могли быть уверены, что они действительно понимают друг друга? И заботило ли их это?

...Как бы то ни было, интуиция Спенглера подсказывала ему, что беседа за ленчем, скорее всего, носила невинный характер. Это было совсем не то, что беспокоило его. Существовало нечто другое.

Он поднялся и стал опять мерить шагами кабинет. Дано: Пембан чист. Он был действительно тем, чем казался - неуклюжий, но преданный слуга Империи. Но... Спенглер остановился. Но было кое-что, чего досе не объясняло, а это было первое, что желал бы знать агент службы безопасности.

- Чего он хочет? - Спенглер задал себе этот вопрос вслух.

Наконец-то ему удалось сформулировать вопрос! Он локализовал болезненное место, которое беспокоило Спенглера на протяжении четырех дней. За кого был Пембан? Что он надеялся совершить? Его разговоры были хитро приправлены ставящим в тупик неуважением к Империи и восхищением ритианами. Тогда почему он работает на одних, чтобы нанести поражение другим?

Это было то, что следовало выяснить.

Декабрьское небо было фосфоресцирующе-серым над прозрачными крышами города. Рано утром начал падать снег, но белые хлопья таяли сразу же, как только попадали на нагретые двойные оконные стекла; вода стекала по желобам и водосточным трубам, а затем попадала в водную систему города. Внутри города температура круглосуточно равнялась семидесяти двум градусам по Фаренгейту. Менее чем через две недели завершится год, наступит первое января 2522 года, но толпы жителей узнают об этом только по календарю.

Маленький человек в плохо сидящей на нем одежде, с серьезным видом

стоящий в очереди на выход с северо-восточной линии скоростного метро, был подвергнут флюороскопии, на прощание приподнял свою абсурдную шляпу перед одетым в форму техником и зашагал вниз к Империял Плаза. Насекомое, такое крошечное и серое, что было практически невидимым, летело в метре за ним над его головой. Свет вспыхивал на крошечных линзах глаз.

Это была одна из старейших частей города, построенная около двух сотен лет тому назад в честь празднования по поводу присоединения к Империи планет Коломбо, Ретрит, Мира Годвина и Элизума. Несмотря на санкции, направленные против перемещения имущества в приходящих в упадок районах, многие солидные фирмы покинули район, а на их месте образовались ряды безвкусных магазинчиков.

Пембан шагал вдоль рядов открытых магазинов, рассматривая нагромождение сувениров и безделушек с детским интересом. Крошечное насекомое следовало за ним. Пембан взял калейдоскоп, посмотрел в него и положил его на место. Около следующего прилавка он остановился и купил десять кукол на шарнирах, грубых изделий с планеты Лоа-Лоа, и попросил служащего упаковать их в праздничную упаковку. Он оставил адрес, куда их следовало доставить, подслушивающее устройство зафиксировало его.

Пембан зашагал дальше. Во фруктовой лавке, где он только что купил пакет культивированного винограда в торговом автомате, он столкнулся лицом к лицу с высоким худым мужчиной в желтой тунике. Мужчины приветствовали друг друга радостными воплями.

- Herna! Cabro!

- Pembun kukara! Noes in carse!

- Si, in terra. Como sa ba?

Двое мужчин продолжали свой разговор, не обращая внимания на высокомерные взгляды проходящих мимо людей. Парящее насекомое передавало каждое слово, которое они произносили.

Наконец тощий мужчина собрался уходить.

- A bento, Pembun. Ser a festo?

- Tendi - so pelloke gri!

Мужчины улыбнулись друг другу, помахали руками, вышли из фруктовой лавки и разошлись в разных направлениях. Другое насекомое, парившее высоко в небе, опустилось вниз и пристроилось за худым мужчиной в то время, как он пересекал Плаза. Пембан, за которым следовало первое насекомое, вернулся опять к входу в метро и направился в сторону Административного Холма.

Прошло два дня со времени встречи Пембана с худым мужчиной во фруктовой лавке. Личность мужчины была установлена - это был Гонзал Эстебор, бывший житель Элизума, ушедший в отставку техник третьего ранга морского флота Империи. Он жил на пенсию, подрабатывая тем, что ввозил и продавал новинки с планет Элизум и Ретрит. Был составлен список всех его знакомых. Среди этого списка встретились трое мужчин и две женщины, с которыми Пембан связывался на протяжении этих последних двух дней.

К чему этот человек готовится? Куклы и некоторые другие безделушки, которые он купил, были доставлены по адресу на Саус Палисад. Оттуда они были перенаправлены автоматической машиной, а затем их след затерялся. Владельцем дома был еще один зарегистрированный знакомый Эстебора.

Спенглер сидел, наблюдая за одним из круговых экранов на консоли стола. Изображение на экране подрагивало и подергивалось; оно было нецветным, черно-белым, но разрешение было хорошим. Из пункта наблюдения, находящегося на трехметровой высоте, Спенглер смотрел вниз на странно искаженную фигуру Пембана - гигантского Пембана, его голова и плечи казались необъятными, его туловище, руки, ноги уменьшались в перспективе. Вторглась не относящаяся к делу мысль: а может так оно и есть на самом деле? Может быть Пембан и есть великан, а мы все - насекомые?

Спенглер со злостью переменял позу. Он переутомился, был раздраженным; обычно ему в голову не приходила всякая чепуха. Он

сконцентрировал свое внимание на экране и на звуках, которые доносились из громкоговорителя, установленного рядом с ним.

На экране Пембан шел по узкой неосвещенной улице. Движущаяся точка на городской карте, висящей рядом с экраном, указывала, что он находился на улице Патерсон, двигаясь на восток от улицы Уотерфилд Вэй. Район, который он миновал, был захудалым центром торговли, теперь он проходил мимо сплошных стен пустых товарных складов и фабрик, приговоренных к сносу комиссией по обновлению города. Срок их уничтожения уже был назначен. Не раздавалось ни звука, за исключением отдаленного гула шумных улиц, оставшихся позади и скрипа туфель Пембана, когда он ступал по старому тротуару.

Угол зрения изменился; впереди неясно вырисовывался темный вход в помещение. Пембан подошел к нему, поднял руку и нажал кнопку звонка. Старая дверь, вся в рубцах, скользнула внутрь. Голова Пембана раздулась, выросла до гигантских размеров и закрыла полностью экран, когда парящее насекомое-шпион опустилось ниже.

Экран прояснился. Пембан находился в маленькой пустой комнате; пластиковые ящики для упаковки сушеных фруктов и другие вещи были свалены в кучу возле одной из стен. В воздухе жужжали мухи - прекрасное прикрытие для насекомого-шпиона. Маленький человечек с лицом ласки, одетый в темную тунику, вышел из другой двери и подошел к Пембану, приложив палец к губам. Он озорно улыбнулся.

- Argo, pellike!

- Toud'es pre?

На пустом трансляционном экране стали появляться слова.

ПРИВЕТ, ПОПУГАЙ!

ВСЕ ГОТОВО?

- Segi, combe. Ben.

КОНЕЧНО, ТОВАРИЩ. ИДЕМ.

Оба мужчины двинулись к внутренней двери. Летающее насекомое-шпион последовало за ними. На экране было видно, как Пембан и мужчина зашли в дверь, прошли мимо человека, стоявшего на страже, затем вниз по шероховатому коридору и вошли в большую комнату, где Спенглер заметил беспорядочную активность. Затем что-то в виде облака и мерцающего света окутало экран. На экране больше ничего не появилось, кроме смутного перемещения света и тени. Звуки от большого количества отдаленных голосов продолжали поступать через громкоговоритель, но экран не очищался.

Спенглер выругался и нажал кнопку многосторонней связи.

- Да, господин уполномоченный.

- Что случилось с этим чертовым глазом-шпионом?

Пауза.

- Сэр, глаз не отвечает на управляющие сигналы.

- Пошлите другой! Пошлите сразу шесть штук!

- Будет сделано, господин уполномоченный.

Спенглер мучился, глядя на затянутый облаком экран и прислушиваясь к трудно различимым голосам. Новые устройства-шпионы, возможно, не смогут проникнуть в здание тем путем, которым прошел Пембан, разве что им повезет и кто-то откроет дверь; они должны будут обыскать наружную часть здания в поисках трещины или чего-то подобного, через что можно будет попытаться проникнуть в вентиляционную систему. В любом случае время будет потеряно. Он снова нажал кнопку многосторонней связи.

- Оперативный отдел.

Инспектор Макарис, с бледного лица которого жестко смотрели неприятные глаза, появился на экране многосторонней связи.

- Инспектор, наш глаз-шпион на улице Патерсон, которая находится между улицами Уотерсон и Кливленд, вышел из строя. Я хочу, чтобы вы послали туда человека в течении ближайших пяти минут; пошлите его одного с удаленной записывающей аппаратурой, но поддержите его вооруженной группой. Он должен пробраться внутрь и записать все, что сможет, желательно не обнаруживая себя. Определите местоположение дома по монитору. Есть

вопросы?

- Нет, сэр, - сказал Макарис, и его челюсть сомкнулась, как капкан.

Перед тем как погас экран, Спенглер успел заметить, что он повернул голову, и услышал его окрик: "Лангтри!"

Вертолет без опознавательных знаков высадил Чада Лангтри на крышу дома, расположенного возле перекрестка улиц Урхарт и Идрис Лейн. Он тут же взлетел. Лангтри обернулся, осматривая крышу и примыкающие здания быстрым профессиональным взглядом; затем он посмотрел на серое небо над головой. Там, вверху, с такого расстояния кажущийся крошечной точкой, парил другой вертолет. В нем находилась штурмовая группа, вооруженная и готовая к действию. В оперативном отделе ему сказали, что его место работы где-то здесь, но хороший агент научен не полагаться на чью-либо информацию, которую он может проверить сам.

Лангтри был стройным бледным человеком с золотисто-соломенными усами. Он носил голубую тунуку и короткие брюки, оба предмета его одежды были скроены достаточно просторно, чтобы скрыть набор приспособлений, спрятанных под ними. Его глаз-шпион, установленный в филигранной булавке, был прикреплен к плечу тунуки.

В свои тридцать восемь лет Лангтри имел неопределенные, почти женственные черты. У него были узкие бледно-голубые глаза без выражения, что воспринималось часто за признак глупости; только опытный наблюдатель мог увидеть в них твердость. Лангтри был человеком жестким, собранным и самостоятельным. Он не верил в излишний багаж. Он делал свое дело тщательно и эффективно. Если бы убийство человека было частью его работы, он бы совершил его без колебания и спал после этого спокойно. Вызванный на задание из караульного помещения, он взял свои принадлежности и одежду, забрался в вертолет, в полете поменял одежду и выслушал указания по заданию, и все это заняло у него менее четырех минут. При этом частота его дыхания и сердцебиение не изменились.

Он подошел к верхней площадке лестницы. Когда дверь не открылась при его прикосновении, он запустил руку под тунуку и вынул инструмент с тупыми, мощными тисками. Он просунул его в щель двери и нажал. Дверь открылась со звоном. Лангтри прошел в дверь и начал спускаться по лестнице, одновременно пряча инструмент на его прежнее место.

Он опускался по лестнице легкими длинными прыжками. Казалось, что он летит. На нижнем этаже он осторожно приоткрыл дверь и глянул на улицу. В том направлении, которое он мог осмотреть, улица до угла была пуста. Он мимоходом выскользнул на улицу, осматривая другую сторону. В поле зрения никого не было, кроме кривой старухи, выглядевшей как попугай макао в чудовищном платье с ярко-красными цветами, которая ковыляла в сторону угла улицы.

Лангтри последовал за ней, затем прошел мимо нее с безразличным видом как раз в тот момент, когда она достигла перекрестка. Одного случайного взгляда, брошенного краем глаза, ему было достаточно, чтобы запечатлеть ее морщинистое, шишковатое лицо в своей памяти. Возраст около восьмидесяти лет, темный цвет кожи, внешность иностранки - возможно, из Внешнего мира.

Справа от него на полпути от перекрестка на противоположной стороне улицы небольшая группа людей в кричащих одеждах подходила к двери склада. Группа состояла из двух мужчин и женщины, всем им можно было дать примерно по пятьдесят лет, а также двух детей, девочки лет четырнадцати, долговязой, нескладной, и толстого мальчика примерно семи лет. Лангтри охватил эту картину одним взглядом, задержавшись на минуту при пересечении перекрестка.

На противоположном углу он начал слегка хромать, и гримаса боли исказила его скучные черты. Хромая более заметно, он подошел к углу дома и облокотился на него одной рукой. Изогнувшись, он поднял левую ногу и начал с трудом снимать туфлю. В такой позе тело повернулось вправо и он мог видеть улицу по всей ее длине. Он знал, что его глаз-шпион также ее

фиксирует. Дверь склада была теперь открыта и ярко одетая группа входила в нее. Острое зрение Лангтри позволило ему схватить блеск света, когда что-то крошечное проскользнуло в дверь у них над головой. Старуха обогнула угол и теперь ковыляла через улицу, очевидно, направляясь к тому же месту назначения. Толстый мальчик последним заходил в дверь; дверь закрылась за ним.

Лангтри снял туфлю. Он потряс ее, поковырял внутри пальцем и водрузил ее на место. Он выпрямился, на лице вновь появилось скучающее выражение. Старуха почти пересекла улицу. Лангтри совершенно случайно оказался позади нее, планируя свои движения таким образом, что он стал проходить мимо нее как раз в тот момент, когда она нажала ручку двери, дверь открылась и она начала входить в нее. Когда она входила внутрь, Лангтри находился как раз за ней.

Мухи жужжали в маленькой пустой комнате; Лангтри почувствовал быстрое движение перемещаемого воздуха у себя над головой в тот момент, когда он проходил в дверь и знал, что по крайней мере одно из этих насекомых не муха. Старуха не обернулась и казалось не придавала значения, что кто-то вошел вместе с ней. В противоположной стене около кучи мусора открылась дверь; маленький человечек с лицом ласки в голубой тунике вошел и улыбнулся старухе, когда она прошла вперед. Лангтри стоял близко возле нее, но немножко сбоку. Взгляд маленького человечка, скользнув по ним обоим, вернулся к старухе; он пробормотал ей что-то на жаргоне Внешнего мира. Она ответила пронзительным кудахтаньем. Маленький человечек засмеялся, показывая обесцвеченные зубы. Он взял старуху за плечо, направляя ее к внутренней двери.

Чистый тихий голос приемника, спрятанного за ухом Лангтри, резко произнес: "Перевод. Приветствую тебя, маленькая мама. Ты готова к большому (непереводимое слово). Да, да... (искаженное слово), всегда готова, готова на длительное время".

Когда Лангтри последовал за старухой, маленький человечек вновь посмотрел на него и сказал что-то слишком быстро для Лангтри, который не разбирал чуждых ему звуков. Он улыбнулся бессмысленно и кивнул.

Голос за его ухом сказал: "Вы вдвоем? Отвечай: "Si".

Но маленький человечек уже протянул руку, загораживая дверь и говоря что-то другое. Старуха остановилась и повернула голову.

- Я не узнаю тебя, - произнес голос за ухом Лангтри. - Откуда ты, к какой группе принадлежишь?

Лангтри продолжал бессмысленно улыбаться. Маленький человечек повернулся и обратился с вопросом к женщине. Она ответила, качая головой.

"Он с тобой?" - перевел тихий голос.

Маленький человечек холодно смотрел на Лангтри.

- Я думаю, здесь есть какой-то ошибка, - произнес он на ломаном стандартном с ужасающим акцентом.

Голос за ухом Лангтри продолжал: "Нет, я никогда его не видела раньше".

Лангтри изобразил замешательство на лице.

- Разве это не Патерсон 17906? - спросил он.

- Нет, сэр. - Маленький человечек покрутил головой. - Вы находитесь на неправильной стороне города. Этот адрес за десять миль отсюда.

Лангтри поерзал ногой и изобразил на лице озадаченное выражение, а затем упрямое.

- Но они сказали мне доехать на метро до центра и выйти на Империял Плаза, - сказал он. - Вы уверены, что это...

- Да, сэр, - повторил маленький человечек. Он взял Лангтри за руку и стал подталкивать его к выходной двери. Лангтри спотыкался, пассивно продвигаясь вперед, заставляя себя хромать. - Мне действительно очень жаль, - сказал он, - а как же мне попасть туда, куда вы мне сказали?

- Садитесь на линия метро, ехать поперек города. Или ходить на юг к улицам, по которым двигаться транспорт, - сказал маленький человечек вежливо. И вот Лангтри был уже за дверью. Она закрылась у него перед

носом.

На консоли Спенглера один экран показывал изображение пустынной улицы, меняющееся по мере того, как Лангтри шел вдоль нее; другой - вид сверху закрытой двери склада. Сверху с экрана многосторонней связи холодно смотрело на него лицо Макариса.

- Лангтри попытался блефовать, - сказал Макарис, выделяя каждое слово. - Это было рискованно, но стоило рискнуть. Теперь ему придется пробираться в помещение куда более сложным путем. - Он остановился, затем добавил с неприязнью: - Для такой работы нам нужны оперативники, наученные говорить на языках Внешнего мира. Машинный перевод и передача слишком медлительны.

- Пока мы подготовим таких людей, этот чертов жаргон уже изменится, - ответил Спенглер.

Макарис кивнул невыразительно. Он повернул голову, затем снова посмотрел на Спенглера.

- Начинают поступать результаты из постоянного обзора Внешнего мира. Было сделано немногим более ста вызовов с использованием факса, а процент завершенных звонков близок к двадцати трем.

- Проведите компьютерный тест, - сказал Спенглер.

- Уже сделан, господин уполномоченный. Корреляция с собранием в складе пятьдесят один процент плюс-минус три. Это означает...

- Это означает, что в складе уже собралось несколько сотен жителей Внешнего мира. Как могли события зайти так далеко, и при этом мы не получили о них ни намека, ни слухов, ни подозрений?

Макарис не ответил.

- Что говорит компьютер о цели собрания?

- Пока еще недостаточно данных. Восстание - пятнадцать процентов плюс-минус восемь процентов. Саботаж - одиннадцать процентов плюс-минус семь процентов. Взаимосвязь с активностью ритиан - семь процентов...

- Хорошо. Макарис, я приказываю выдвинуть хорошо вооруженные штурмовые части и военные отряды в районы выходов метро вокруг этого места. Как насчет глаз-шпионов?

- Используя вентиляционные входы, пролетая под дверями и так далее, в здание проникло двадцать штук, господин уполномоченный. Однако ни одно из насекомых не смогло проникнуть в нужную секцию склада. Топочные дверцы закрыты, они не могут проникнуть внутрь.

- А как насчет вентиляционных шахт?

- Архивная память все еще производит поиск планов здания. Возможно, удастся отыскать маршрут путем проб и ошибок, но пока результатов нет.

Спенглер выругался и повернулся к центральному экрану, так как его глаз уловил какое-то движение. Кряжистая пара в ярких узорчатых одеждах подходила к двери склада. Каждый вел за руку ребенка шести или семи лет.

- И дети тоже! - сказал Спенглер. - Вот этого я не могу понять, Макарис. Неужели они так деградировали...

Зажегся четвертый экран и Спенглер увидел, как дверь склада расширяется и становится гигантской по мере открытия. Он уловил мелькнувшую человеческую голову в тот момент, когда глаз-шпион прошмыгнул через дверной проем, затем наступил период замешательства и темноты, а потом изображение стало устойчивым. Маленький человечек с лицом ласки шел навстречу вновь прибывшим.

- Arro, Manel, Deli. Como greu su miyo!

- Mesi, Udo. Mi Frank ay ja set ano!

На трансляционном экране стали появляться слова, Спенглер наблюдал за ними вполглаза.

- ПРИВЕТ, МАНЕЛЬ, ДЕЛИ. КАК ВЫРОСЛИ ВАШИ ДЕТИ!

- СПАСИБО, УДО. НАШЕМУ ФРАНКУ УЖЕ СЕМЬ ЛЕТ.

Спенглер напрягся. Группа у двери стала расти в размерах по мере того, как глаз-шпион приближался к ней. Дверь открылась, стала огромной -

глаз-шпион прошмыгнул в нее.

Коридор, дверной проем, затем вспышка молочного света и пустота. Экран потемнел.

- Опять! - воскликнул Спенглер и ударил по консоли кулаком.

В отдельной комнате в глубине склада на упаковочных ящиках сидели Пембан и седой мужчина с грустными глазами, лет шестидесяти, держа в руках тонкие маленькие рюмочки с ароматным спиртным напитком.

- Ну, Анри? - произнес Пембан, поднимая рюмку.

Анри Родриз ответил ему грустной, ласковой улыбкой и тоже поднял свою рюмку.

- За мир, - сказал Пембан.

- За мир.

Они выпили и причмокнули губами.

- Хорошо ударило, сказал Пембан.

- Это самый прекрасный напиток, старик. На Земле не делают такого коньяка, и их наполовину безмозглые законы запрещают импортировать его. Можно привозить только для себя. Скажи мне, почему правительство должно диктовать людям, что они могут пить, а что нет?

- Давай поговорим о чем-нибудь более приятном, - предложил Пембан. Это может быть наш последний шанс подняться всем вместе, Анри. Я, как всегда, энергичен, но если честно, то ты не становишься моложе.

Коричневые глаза Родриза вспыхнули притворным гневом.

- Как ты можешь говорить мне такое в лицо? Ты уже забыл то время, когда я поднял тебя за лодыжку одной рукой - о Господи! - и кинул в тележку с навозом?

Пембан серьезно покачал головой.

- Это правда, Анри. Когда я вылез оттуда, то благоухал точно так же, как и ты.

Родриз улыбнулся.

- Какой острый язык у такого маленького человечка.

- Острый, как хвост скорпиона, которого твоя маленькая сестрица спрятала в моем полотенце.

Родриз изобразил на лице смятение.

- Ай-яй-яй, каким ребенком она была, - сказал он меланхолически, потирая крестец своей огромной рукой. - Знаешь ли ты, что у нее уже три внука?

Пембан покачал головой.

- Для меня она все еще такая маленькая, что может пройти свободно под ослом. Я даже не могу себе представить, как она выглядит, Анри, потому что сколько я ее помню, она всегда показывала мне язык.

- Дети, - произнес Родриз. - Иногда я думаю, что теперь они плохие, но мы были еще хуже. - Он поднял с пола бутылку с тонким горлышком и наполнил обе рюмки.

- За детей, - произнес Пембан.

- Да, за детей.

Они выпили и опять почмокали губами.

- Если бы мы опять все могли оказаться в горах Комбе, - сентиментально вздохнул Родриз. - Но человек делает то, что он обязан делать.

- И некоторые дела менее приятны, чем другие, - подхватил Пембан. Они оба посмотрели на длинный бережно склеенный картонный ящик, который лежал на двух упакованных чемоданах под стеной.

- Совершенно верно, мой старый друг. Когда я думаю о часах труда, которые пошли хотя бы только на это, то не вспоминаю о другом. Планирование, сохранение тайны, все делалось только по ночам - в течении недель и месяцев!

- Однако тебе ведь не придется надевать это. Ты мог бы сделать это несколько лет назад, когда я был далеко отсюда, в безопасности.

- Тогда у нас не было достаточного количества людей здесь. Мы были слишком разбросаны. Но это будет не последний раз, Джой, поверь мне.

- Это может оказаться последний раз для меня.

- Мужайся, - сказал Родриз, опять наполняя рюмки до краев. - Выпей, друг, ты бледен, ты нуждаешься в этом.

Раздался негромкий стук в дверь. Вспотевший молодой человек зашел в комнату, закрыл дверь и прислонился к ней.

- Во имя Господа Бога, когда вы будете готовы? Я не могу больше поддерживать спокойствие.

Родриз грузно повернулся, чтобы посмотреть на него. - Спокойно, спокойно, - произнес он. - Где твоё соображение? Человек не может делать подобные вещи так же легко, как снять шляпу. Это дело требует моральной подготовки. Когда он подготовится, он будет готов, понятно? Они ждали этого события так долго, что могут подождать еще минутку-другую.

- Вы бы не говорили так, если бы вы находились там, - остро ответил молодой человек. Он перевел взгляд с одного мужчины на другого, открыл рот опять, затем закрыл его с покорностью и вышел.

- Нетерпение, - с горечью произнес Родриз. - Это главная проблема каждого в наши дни.

- И все же он прав, - ответил Пембан. - Если я просижу здесь еще немного, Анри, я думаю, что я начну нервничать. Я не могу сказать, что я готов, но черт побери! Давай начинать.

- Сначала еще по одной рюмочке, - ответил Родриз, глядя на Пембана тревожным взглядом. Он наполнил рюмки. - Пожелаем доброжелательности всем людям.

Они выпили. Пембан аккуратно поставил рюмку и встал.

- Хорошо. Открывай и дай мне взглянуть на эту чертову штуку.

Родриз достал из кармана маленький электроклинок и начал открывать длинный картонный ящик. Он отбросил крышку. Внутри лежала сложенная одежда, сделанная из тяжелой ткани с матовым отливом. Пембан с отсутствующим видом перебирал ее пальцами; затем оба мужчины вынули одеяние и расправили его. Родриз держал его, пока Пембан производил осмотр. Одеяние напоминало пустую кожу большой птицы. Огромные крылья свисали до пола, фантастическая голова с клювом и гребнем наклонилась так, будто шея птицы была сломана.

Пембан придирчиво осмотрел одеяние, затем сел на один из ящиков и начал снимать туфли. Родриз ожидал в сочувственном молчании, пока Пембан снимал верхнюю одежду; затем он открыл переднюю часть серого одеяния и стал расправлять ноги птицы, помогая Пембану натянуть их на себя. Ступни птицы были когтистыми, просто чудовищными.

Пембан просунул руки в рукава и вытянул их; серые крылья с оперением расправились с шелестом. Родриз застегнул застежку вокруг выпуклого живота Пембана и разрез впереди исчез.

- Постой спокойно минутку, - пробормотал он. - Он обошел Пембана, поднял голову птицы и аккуратно опустил ее на голову Пембана. Затем он вновь зашел вперед и застегнул молнию до самого подбородка.

Там, где стоял Пембан, гигантская серая птица с большим гребнем свирепо уставилась на Родриза, направив на него угрожающе желтый клюв.

- Ну, как я выгляжу? - раздался приглушенный голос Пембана.

Великолепно, - ответил Родриз, его лицо засветилось от восторга. - Tes pelloke gri!

Яркий луч от ручного фонарика качался перед Лангтри, когда он пробирался через подвальное помещение. Чем глубже он спускался, тем больше ощущал кожу спины и шеи, которая покалывала от дурного предчувствия или страха. Его ладони и лоб стали влажными.

Лангтри не любил темноту и замкнутое пространство. Это было его единственным ограничением и тянулось из какого-то неприятного детского опыта, который его психика не могла похоронить и перебороть. Он с

холодностью осознавал это и никогда не позволял этому чувству влиять на решения, которые он принимал при выполнении заданий. Но, независимо от его сознания, нервозность Лангтри усиливалась по мере того, как он проникал все дальше в этот лабиринт подвальных переходов под старым складом. Он слишком сильно ощущал, как темнота давит на него со всех сторон; ему приходилось прикладывать все большее усилие, чтобы удержать себя от постоянного прокручивания луча вокруг себя.

В помещении стояла полнейшая тишина, не раздавалось ни звука, слышались только те, которые он издавал он сам. Он знал, что ничего не было в темноте, уставившейся на него безглазо... Не было ничего особенного, чего бы ему надо было бы бояться, только одна темнота... Темнота, и это ощущение подземелья. Если фонарик вдруг потухнет...

Рука Лангтри судорожно сжала фонарик. Свет на должен погаснуть. Фонарик питается от атомной батарейки, годность которой рассчитана на столетие непрерывной работы. В любом случае все, что он должен сделать, так это найти лестницу, которая приведет его к тыльной части склада. И вот, кажется, она уже здесь, блеснула в луче света от фонарика: пыльные серые ступени с круглым ограждением, упирающиеся в массивную пожарную дверь.

Лангтри легко взбежал по ступеням, затем остановился в тревоге. Дверь была забита двумя тяжелыми стальными прутьями, концы которых с двух сторон были приварены к дверному проему.

- Докладывайте, - пропищал слабый голосок у него за ухом, - в чем затруднение, Лангтри?

Лангтри постарался сделать все, чтобы его голос звучал ровно и спокойно.

- Без автогена через эту дверь не пройти, - сказал он.

Последовала пауза, затем:

- Плохо, Лангтри. Поищите другой вход.

- Будет сделано, - кратко ответил Лангтри. Он повернулся, спустился по ступенькам вниз и опять стал пробираться вглубь подвала.

Скачущий круг света от фонарика продвигался впереди него; темнота вокруг, казалось, сгущалась. Он представил себе мысленно карту подвалов. Сейчас он должен был находиться как раз под той частью склада, в которую он хотел проникнуть. Здесь была другая лестница, другой пожарный вход... И он был забит, так же, как и первый. Он покрутил фонариком вокруг себя. Огромное пространство было совершенно пустым, только у дальней стены вырисовывались какие-то куполообразные металлические сооружения.

Он прошел дальше и нашел третью лестницу. Она была заблокирована так же, как и первые две.

Темнота, казалось, мягко кружила вокруг него, касаясь его спины как будто холодными лягушачьими лапками. У него промелькнула мысль, что он может просто доложить о том, что здесь практически нет выходов, и это будет означать только, что выполнение задания немного задержится; никто ничего не узнает. Не будет никакой пометки, компрометирующей его, в личном досье... Но он должен осмотреть все, что положено осмотреть. Он вернулся назад, двигаясь под углом по направлению к мусоросборнику. Спуск в мусоросборнике все еще существовал, это была металлическая труба, квадратная в поперечном сечении, около ста двадцати сантиметров шириной, которая проходила от потолка до оболочки мусоросборника.

Он покрутил фонариком внутри оболочки и увидел черную квадратную дыру, заканчивающуюся брешью в куполе. Его челюсти крепко сжались; он сделал усилие над собой, чтобы расслабиться.

- Поднимаюсь, - произнес Лангтри.

На консоли Спенглера большой экран представлял теперь переданный компьютером план, состоящий из точек и пересекающихся линий. Красные точки представляли постоянно проживающих в городе людей из Внешнего мира, которых нельзя было вызвать по видеофону; черными точками были отмечены

те, кто ответил на звонок. Линии между ними представляли известные службе безопасности связи между ними. Было очевидно, даже наглядно, что многие красные точки и несколько черных формируются в различные сети, которые связаны между собой несколькими связями.

- Отчет по результатам компьютерных вычислений, - доложил Макарис. Его лицо было суровым. - Было сделано 507 звонков; процент завершения упал до цифры 9,5. Корреляция с собранием в складе восемьдесят семь процентов, плюс-минус три.

- Цель собрания?

- Восстание - тридцать один процент плюс-минус два процента. Саботаж - двадцать шесть процентов плюс-минус два процента. Попытка без разрешения покинуть Землю - восемнадцать процентов плюс-минус четыре. Взаимосвязь с активностью ритиан все еще низкая, но имеет тенденцию к росту - одиннадцать процентов плюс-минус три.

- Хорошо, этого достаточно, - сказал Спенглер. Он посмотрел на мнемокс, который лежал открытым у него на столе. - План Н-103, тревога наивысшей степени.

- Будет сделано, - ответил Макарис.

Этому человеку никогда ничего не надо было говорить дважды и никакой приказ, казалось, не мог удивить его. Он был хорошим подчиненным - пожалуй, даже слишком хорошим. Причина была все в том же, что занимало мысли Спенглера и раньше. В будущем, по крайней мере, Макарис не представлял для него опасности. При определенных обстоятельствах Спенглер мог допустить, что Макарис займет пост уполномоченного... если например, он, Спенглер, переместится на позицию, занимаемую теперь Кейт-Ингремом.

План Н-103 был еще одним детальным, тщательно разработанным планом, который пролежал неиспользованным в архивах департамента безопасности больше столетия. Он разрабатывался для задержания с целью защиты при максимальной секретности до десяти тысяч иностранцев, проживающих в городе. Сейчас приказы начнут передаваться и активизируются центры задержания, приписанный к ним персонал, а также оборудование для управления операцией и выполнения ее.

На волне возбуждения Спенглер почувствовал кратковременное презрение к противникам. Это напоминало игру в шахматы: намерения каждой из сторон были неизвестны другой стороне, они могли быть только вычислены по перемещениям на доске. Но Спенглер мог ввести в игру любое количество фигур, мощных фигур, и не ограничиваться какими-либо правилами, - бронированных королей, слонов, ошестинившихся автоматами...

Один из маленьких экранов консоли все еще показывал внешнюю часть склада; дверь была закрыта. Еще четыре экрана демонстрировали Спенглеру вооруженные группы в штурмовых костюмах, сосредоточенных на крышах, прилегающих к складу домов; шестой, седьмой, восьмой экраны показывали группы военных частей, располагающихся в подземных транспортных туннелях вокруг этого места, уже освобожденных от гражданского транспорта. На девятом, десятом и одиннадцатом экранах были представлены разнообразные варианты одного и того же вида - интерьера прихожей, которая располагалась за закрытыми дверями склада.

Спенглер мысленно опять проанализировал все, что он сделал в данной ситуации и не обнаружил упущений или ошибок со своей стороны. Он проводит зондирование места мятежного собрания методами, которые пока еще не спугнули жителей Внешнего мира. Каждая стадия подкреплена другой, и все мероприятия вместе позволят сломить вооруженное восстание.

Спенглер сопротивлялся искушению провести задержание людей из Внешнего мира на подходах к их месту встречи. Такова была доктрина - держать сеть открытой, чтобы захватить всю рыбку сразу. Но оставалось какое-то чувство неудовлетворенности. Что он мог пропустить в своих наблюдениях?

Какое-то движение привлекло внимание Спенглера. На экране, показывающем внешний вид склада появилось еще две фигуры - толстой женщины и неуклюжего юноши. Дверь открылась, они вошли.

На трех экранах с видом прихожей разыгралась уже знакомая сцена. Вышел маленький человечек, он улыбался.

- Ben, ben, a von ora-pesh!

- No so tarde?

- No, no, a von ora.

На трансляционном экране появился перевод:

ПРОХОДИТЕ ПРОХОДИТЕ В ХОРОШЕЕ ВРЕМЯ ПОСПЕШИТЕ

МЫ НЕ ОПОЗДАЛИ

НЕТ НЕТ...

Спенглер напрягся. По мере того, как женщина и мальчик проходили внутреннюю дверь, дверной проем, казалось, заполнил все три экрана. Три глаза-шпиона все вместе старались проникнуть внутрь помещения.

Головы женщины и мальчика разрослись и закрыли весь вид. И вновь на всех трех экранах возникло какое-то движение, затем внезапная вспышка света. Но на одном из трех экранов Спенглер заметил поднятый кулак, в котором был зажат яркий пластмассовый цилиндр, а за ним виднелось сосредоточенное темное лицо.

- Уворачивайся, - резко вскричал Спенглер.

После минутной задержки, большой экран вспыхнул. Глаз-шпион двигался в замедленном темпе. Он развернулся, в поле зрения вновь попало лицо и рука с поднятым цилиндром. Облако распыляемых частиц вырвалось из верхушки цилиндра и стало медленно расширяться.

Спенглер почувствовал, как его кулак ударился о поверхность стола. Он ощутил как поднимающаяся волна раздражения захлестнула его и чуть не задушила.

- О Господи, да это же жидкость для опрыскивания насекомых!

Лангтри карабкался в темноте по узкому крутому подъему мусоросборника, поднимаясь вверх фут за футом, как скалолаз в скалистой расщелине. Фонарик освещал крутой подъем над ним жарким жестко-белым сиянием, но темнота смыкалась сразу за ним, давя на него безжалостно и упорно. Мускулы его спины и ног уже дрожали от напряжения, хотя он прополз всего несколько метров. Где-то над ним был свет и воздух. Когда-нибудь он доберется туда, и тогда сможет завершить свое задание. Но теперь вокруг была только темнота, и до одури давящая крутизна подъема, и медленные, отдающие болью движения, которые проталкивали его тело вперед.

Далеко впереди свет фонаря выхватил из тьмы нечто необычное, темную тонкую линию, пересекающую стену. Лангтри устался на нее, неуклюже наклонив тело. Слабые звуки доносились до него - неразличимое бормотание голосов, какие-то возгласы. Все эти звуки были отдаленными и приглушенными. Это была его цель. Все, что он должен был сделать, - это преодолеть себя и продолжить продвижение вперед, пока он не достигнет ее. Он выпрямил ноги, чувствуя как неровности стены царапают ему спину. Он поднялся на фут, затем еще на один. Лангтри чувствовал, как пот стекал тонкими струйками по ребрам. Его туника была мокрой от пота и прилипла к телу. Лангтри опять подтянул ноги: еще одно бесконечно малое завоевание и еще одна пауза для отдыха. Он опять подтянулся, его мускулы подергивались и дрожали. Темная линия над ним стала немного ближе. Звуки становились громче.

Жители Внешнего мира - как он ненавидел их! Уродливые, неотесанные с наглыми коричневыми лицами... Эта мысль дала ему силы для последующего продвижения вперед. Давящая темнота крепко зажала его в этом узком ящике, как кулак, сдавив его грудь так, что он с трудом дышал... Лангтри сомкнул челюсти и стал подниматься опять.

Становясь громче, звуки омывали Лангтри по мере того, как он дюйм за дюймом приближался к темной линии. Теперь, когда он убрал фонарик, он мог увидеть тонкую полосу желтого света, которая контуром очерчивала три стороны квадрата. Это был люк, выход из мусоросборника. Он был почти у цели.

Шум перерос в неясный рев. Стараясь восстановить дыхание, сотрясаясь всем телом, Лангтри прополз последний метр, потом прочно упер ногу в квадратный люк. Теперь рев превратился в сильный шум, от которого мусоросборник вибрировал и гудел вокруг него, сжимая его еще крепче, не давая ему возможности сосредоточиться и подумать. Собрав последние силы, Лангтри поднял ногу и ударил ею по люку. Люк поддался. Отброшенная крышка все еще продолжала колебаться, но проход был открыт, пропуская оглушающий поток звуков и ослепляющий свет. Лангтри почувствовал, что скользит вниз. Он отчаянно схватился за верхний край люка, крепко сжал руки и выбросил свое тело прямо в смятение цветов и шума.

Нечто огромное и невероятное плыло по воздуху в его направлении... крылья, свирепые глаза... Затем, когда он попытался восстановить равновесие на своих ставших резиновыми ногах, кто-то схватил его сзади. Что-то темное и удушающее опустилось ему на лицо. Нечто коснулось его ладони - пальцы инстинктивно сомкнулись вокруг чего-то длинного и тяжелого... Дубинка, оружие! Все случилось слишком быстро, он даже не успел ни о чем подумать, восстановить равновесие... Сильный толчок сзади - он закружился в темноте возле чего-то невероятного.

Его обе руки сжались вокруг дубинки, он повернул ее со всей силой, которую придала ему паника. Последовал толчок, который отдался в его плечах, затем раздался грохот чего-то упавшего, потом послышались крики, визг вокруг него. Лангтри закричал тонко, слюна брызнула у него изо рта, но он не расслышал своего собственного голоса. Дубинка исчезла, он пытался стащить ткань, которой была закрыта его голова. Наконец яростно сорвал ее и дико заморгал, ослепленный внезапно прорвавшимся светом.

Над его головой на подвешенной к потолку тележке раскачивалась в воздухе огромная серая птица с расправленными крыльями и желтыми глазами свирепо смотрела по сторонам. Под ее огромными когтистыми лапами висело еще что-то, кружась и вертясь на конце тонкой веревки, а под этим, как раз вокруг Лангтри, двигались, казалось, сотни орущих детей; они ползали, боролись, карабкались, чтобы добраться до кучи ярких предметов, которые лежали под серой птицей.

Жизнерадостная маленькая девочка выпрямилась, держа что-то обеими руками. Ее темные косички, торчащие по обеим сторонам головы, были украшены огромными розовыми бантами. А то, что она держала в руках, оказалось куклой - яркой куклой с широко открытыми глазами. Мальчик в растрепанной белой тунике прокладывал себе дорогу сквозь толпу, стараясь добраться к красному вагончику...

То, что лежало на полу, оказалось игрушками и блестящими пластиковыми коробочками с леденцами. Лангтри никак не мог уяснить, в чем дело. Его разум оцепенел от неожиданности, шума и криков. То, что кружилось и вертелось под когтями серой птицы, было коричневым, наполовину разбитым огромным глиняным кувшином. Он был ярко разрисован, на нем были звезды и молнии красного, голубого и желтого цветов, он был украшен блестками, сделанными из серебряной бумаги.

Изумленный Лангтри увидел, что полые куски кувшина лежали среди уменьшающихся гор игрушек. Это была вещь, которую он разбил, здесь же на полу лежала деревянная дубинка, которой он это сделал.

Лангтри осознал, что мужчины и женщины в ярких костюмах стягиваются вокруг него. Кто-то положил ладонь на его руку, говоря при этом что-то неразборчиво. Резким движением он отступил назад и зацепился за холодный металл мусоросборника. Его рука нащупала на поясе пистолет, он выхватил его.

- Всем оставаться на местах! - закричал он охрипшим голосом. - Вы все арестованы!

Лангтри пригнулся, каждый мускул его напрягся. Он был готов открыть огонь при первом же малейшем движении в его сторону. Однако в то же самое время с чувством обреченности он начал осознавать, что происходит какая-то ужасающая ошибка.

Огромная комната была вся увешана праздничными флажками и

побрякушками, сделанными из цветной бумаги. Шум вокруг него стал понемногу затихать, все лица повернулись к нему. В комнате было несколько сотен жителей Внешнего мира, все они были одеты в яркие плотные туники и разноцветные платья, и кругом были дети, сотни детей, все до боли чистенькие, с блестящими, красиво причесанными волосами.

Как в ночном кошмаре, Лангтри увидел, что большая серая птица сгибает одно крыло и поднимает его к голове, увидел, как страшный клюв откидывается и под ним появляется человеческое лицо. Лицо было широким, коричневым и смотрело на него с выражением удивления и тревоги.

- Пау! - закричал кое-кто. - Пау! Пау! - шум голосов стал стихать быстрее.

- Я знаю вас, - сказал, задышав, Лангтри. - Вы Пембан с Менхевена. Не делайте ни одного движения, ни один из вас. Я - сержант Лангтри из службы безопасности. Я хочу знать, что здесь происходит.

Серая птица что-то резко сказала на языке Внешних миров. Мужчины вокруг Лангтри кинулись вперед и стали выводить детей. Через минуту птица стала раскачиваться, опускаясь все ниже. Отбитая верхушка кувшина упала на пол, подскочила и покатилась. И вот уже птица с лицом Пембана стояла перед Лангтри, расстегнув застежку на груди и сдвинув голову птицы со вспотевшего лба.

- Здесь какая-то ошибка, сержант, - произнес Пембан. Я боюсь, что вы проделали весь этот путь зря.

Лангтри почувствовал сухость во рту, язык плохо его слушался.

- Но все это... это...

Тяжелое лицо Пембана стало печальным.

- Сержант, - произнес он мягко, - на Земле не существует закона, запрещающего праздновать Рождество, не так ли?

3

Транспортные потоки Административного Холма были невероятно сложными. Процессии спидстеров, коптекаров и лимузинов сливались, смешивались и опять разделялись. Скутеры, предназначенные только для перевозок внутри Холма, беспорядочно двигались среди больших машин и мчались стрелой по межофисным каналам, которые были зарезервированы исключительно для них. Транспортные развязки в виде кругов и в форме клеверного листа направляли и разделяли поток. Каждую минуту машины выскальзывали из основного потока, чтобы высадить или загрузить пассажиров, и летели вновь. Каждая машина сама по себе была практически бесшумной. В совокупности они производили шум, который только пересекал границу слышимости, образуя непрерывный фон, смешивающийся с гудением миллионов разговоров. Результирующий звук напоминал работу огромной динамомашины на холостом ходу.

Передвижения Пембана оставляли тонкий, волнообразный след среди всей этой путаницы. И где бы он не проезжал, он оставлял в кильватере распространяющуюся волну смеха.

На пересечении коридоров Пекарни и Один Ноль, он попытался сойти со скутера, не дожидаясь его полной остановки. Поле безопасности скутера поймало его, наполовину высунувшегося, и удерживало его - при этом его конечности болтались как разъяренные пауки - пока не создались условия для безопасного выхода.

Распространилась мелкая зыбь смеха, а некоторые звукооператоры и операторы-кодировщицы, не зная, чем занять свой обеденный перерыв, не нашли ничего лучшего, как последовать за Пембаном в закусную секцию Д.

Случай со скутером, казалось бы, должен был ошеломить маленького человечка. Он стал на движущуюся ленту, которая проходила внутри закуской, и стоял там, наблюдая, как комната мерно движется мимо него. Он сделал полный оборот, пропуская дюжину пустых столов, и начал второй круг. Звукооператоры и девушки-кодировщицы подталкивали своих друзей и

указывали на него.

На третьем круге до Пембана, похоже, дошло, что он должен в конце концов сойти с бегущей ленты. Он осторожно высунул ногу за край ленты и тут же отдернул ее. Он посмотрел в другом направлении и, видимо, решив, что так будет еще хуже, повернулся обратно. Наконец, с отчаянной решимостью он сошел с медленно движущегося транспортера. Однако его нога каким-то образом запуталась, и Пембан сел на пол с глухим звуком, от которого затряслось все вокруг.

Волна смеха опять раскатилась по комнате. Человеку, сидевшему недалеко от транспортера, похоже, что-то попало в дыхательное горло и он был вынужден терпеть, пока его колотили по спине. Обедавшие за более отдаленными от места происшествия столиками встали, чтобы посмотреть, что происходит. Около дюжины людей, стараясь скрыть улыбки, бросились к Пембану, чтобы помочь ему подняться на ноги.

Пембан отправился дальше. Официальный проводник в голубой фуражке вышел вперед, полный решимости помочь, но Пембан, горячо жестикулируя, объяснил, что с ним все в порядке и он знает, куда он направляется.

Все его кости болели от копчика и до основания черепа. Это было его шестое падение за сегодняшнее утро, а еще неизвестно, сколько их будет впереди.

Он чувствовал себя просто по-дурацки, - этот Холм был таким невообразимо большим, - но он с трудом прорвался сквозь толпу у входа в закускую, просигналил другому скутеру и проехал на нем с полкилометра по коридору.

На пешеходной дороге стояла группа людей, только что вышедших из какого-то кабинета, среди которых двое были ему известны: темноусый полковник Кассина и его бесстрашный адъютант капитан Вэй. Пембан радостно замахал руками, и еще раз попытался вырваться из скутера до того, как тот остановился.

Он бешено корчился в малоприятных и весьма ощутимых тисках поля безопасности. Когда он наконец был поставлен на ноги, он бросился вперед, поскользнулся, потерял равновесие и...

На лицах всех людей в группе отразилось общее выражение радостного недоверия. Раздалось подавляемое бульканье под видом покашливания, нервное хихикание женской части группы, и фыркание в задних рядах. Полковник Кассина позволил себе один раз всхрипнуть, что означало у него смех. Даже апатичный капитан Вэй издал особенную высокоинтенсивную серию звуков, напоминающих кашель: "Тхи! Тхи! Тхи!"

Помогающие руки со всех сторон поставили Пембана на ноги и стряхнули с него пыль. Кассина, чье лицо стало опять суровым, грубовато произнес:

- Не выходите, пока эта штука не остановится. Поступая таким образом, вы не поранитесь. - Он повернулся и пошел, затем вернулся, видимо, чувствуя необходимость подчеркнуть свои слова. - Не выходите, пока эта штука не остановится. Понятно?

Пембан молча кивнул. С полуоткрытым ртом он наблюдал за Кассиной и Вэем, когда они заняли места в двойном скутере и стали удаляться по коридору Пекарни.

Когда он обернулся, возле него появился взъерошенный Гордон.

- Вот вы где! - вскричал молодой человек. - Мистер Пембан, я разыскиваю вас уже около часа. Разве вы не слышали гудения оповестительного устройства?

Пембан бросил взгляд на инструмент, привязанный к его правому запястью. Передвижная крышка была сдвинута налево.

- Ой, я совсем забыл о нем, мистер Гордон, ответил Пембан. - Похоже, оно все это время было выключено.

Гордон улыбнулся одними губами.

- Ладно, как бы то ни было, я все-таки нашел вас, сэр. Могли бы вы прямо сейчас пройти в кабинет к господину уполномоченному? Он хочет видеть вас.

Не дожидаясь ответа, Гордон одновременно вызвал двойной скутер и

говорил что-то в микрофон на своем запястье.

- Прекрасно, - сказал радостно Пембан, - именно туда я и собирался направиться.

Он сел в скутер перед Гордоном и на этот раз последовал совету Кассины. Он подождал, пока скутер полностью не остановиться, вышел без всяких трудностей и прогулочным шагом бодро зашел в кабинет Спенглера.

- Извините, что меня непросто было найти, - сказал он, оправдываясь, - я был занят тем, что я делал, и не заметил, что мой коммутационный прибор выключен.

- Все в порядке, мистер Пембан, - сказал Спенглер с железным терпением.

Ни он, ни Пембан в течение этих прошедших трех дней не упоминали фиаско на складе. Их отношения были вежливыми и формальными.

- Садитесь. Это все, Гордон, спасибо. - Он повернулся к Пембану. Мы рассмотрели ваши советы, - кратко произнес Спенглер. - Мой непосредственный начальник поручил мне узнать, не могли бы вы помочь нам в дальнейшем, порекомендовав некоторое новое направление атаки - но только такое, для реализации которого не требовалось бы два или три месяца.

- Я работал над этим, - произнес Пембан, - и не добился многого. Но теперь это не имеет значения. У меня возникла идея, и мне повезло. Я нашел вашего рити.

По мере того, как лицо Спенглера медленно застывало, Пембан добавил:

- Это адъютант полковника Кассины, капитан Вэй.

Спенглер начал чужим голосом:

- Вы серьезно думаете, что...

Он остановился, нажал кнопку на краю стола и начал сначала.

- Эта беседа записывается, мистер Пембан. Вы только что сказали, что нашли ритианина, и что им является капитан Вэй. Объясните, пожалуйста, причины, которые побуждают вас сделать такое заявление.

- Хорошо. Я лучше начну все с самого начала, - сказал Пембан, - иначе в моих словах не будет смысла. Видите ли, у меня было представление, что этот рити должен быть немного обеспокоен. Конечно, флюороскопы не способны взволновать его, но эмбарго, распространенное на все планеты, его волнует. И он знает, что вы, возможно, привезете что-либо, что будет работать лучше, чем флюороскопы. Поэтому я подумал, что, вполне вероятно, он постарается спрятаться в самой гуще людей, которые ищут его. Таким образом он сможет уклониться от ваших поисковых групп, и у него будет шанс прорваться через кордон. Вот почему, по-видимому, он выбрал полковника Кассину. В любом случае, я думаю, это его забавляет.

Итак, я провел время, заставляя людей смеяться - просто старался получить шанс. Это было тяжело, потому что, как я уже говорил вам, у рити примитивное чувство юмора. Итак, если вы шли и упали на глазах у рити, он станет смеяться. Он ничего не сможет поделать. И это именно то, что сделал капитан Вэй. Мне доводилось слышать раньше смех рити. Он звучит достаточно похоже на смех человека, чтобы обмануть вас, если вы не обращаете внимания, но если вы хоть раз его слышали, вы никогда не ошибетесь. Я говорю вам правду, господин уполномоченный. Капитан Вэй - он и есть рити.

Спенглер, сжав губы в тонкую линию, положил руку на пластинку связи.

- Досье капитана Вэя, - попросил он.

- Извините меня, господин уполномоченный, но я не знаю, догадался ли он, что выдал себя, или нет. Если он догадался, что мы напали на его след, а мы не схватим его немедленно, он может сделать что-нибудь, что нам не понравится.

Спенглер посмотрел на Пембана - его лицо заострилось от возбуждения - и начал говорить. Затем его коммуникационный прибор зажужжал, и он положил на него руку.

- Да?

Обеспокоенный голос Гордона произнес:

- Досье на капитана Вэя отсутствует, господин уполномоченный. Я не могу понять, как это могло случиться. Желаете ли вы, чтобы я проверил в

окружном архиве в Денвере?

Спенглер бросил еще один взгляд на Пембана - взгляд, в котором смешались восхищение, острая неприязнь и невольное уважение. Он сказал:

- Сделаете это позже, Гордон. А пока что свяжите меня с полковником Кассиной, а затем позвоните в караульное помещение. Мне понадобятся все имеющиеся в наличии люди, натренированные на захват ритиан. С полным оснащением. И они понадобятся мне немедленно!

Не было сомнений: "Капитан Вэй" - ритианский шпион. Как-то и где-то ему удалось встретить Кассину и подружиться с ним. По крайней мере, он ухитрился оставаться в компании полковника достаточно долго, чтоб взять под контроль его разум. Возможно, ему удалось убедить Кассину, что "Вэй" - старый и бесценный друг, с которым Кассина работал раньше; что теперь "Вэй" свободен и может принять новое назначение, и что полковник уже уладил его перевод.

Представленная полковником Кассиной кандидатура предполагаемого китайского офицера прошла без вопросов. Но в банке данных отсутствовало досье на это имя. С точки зрения архивных данных "капитана Вэя" не существовало.

Все это время Спенглер думал с содроганием о том, что монстр жил в их среде, сидел на конференциях, слышал все, что планировалось против него. Наверное, ему было тяжело сдерживаться, чтобы не рассмеяться.

И самым горьким было то, что его нашел Пембан. Если выйдет наружу, что этот житель колонии с лунообразным лицом решил проблему Спенглера, падая на задницу по всему Административному Холму...

Спенглер с раздражением отбросил эту мысль. Они были уже у дверей личного кабинета полковника Кассины. "Вэй" находился в меньшем кабинете, который располагался рядом с кабинетом полковника. Его кабинет был связан с апартаментами Кассины и с внешними кабинетами.

Спенглер заметил, как руководитель группы поднес часы к уху. В настоящее время другая половина группы уже достигла внешних кабинетов и тихо эвакуирует всех находящихся там. Должно быть, подошло время заходить в кабинет полковника.

Руководитель группы открыл дверь, и Спенглер зашел вслед за ним. Рядом с ними был Пембан, за ними шли пять оперативников. Все они были вооружены лучеметами, испускающими сковывающее поле, и ножами Mark XX - энергетическим оружием, которым опытный оператор мог отрезать руку, или ногу, или шупальце, не хуже умелого хирурга.

Оперативники были упакованы с ног до головы в облегающие цельнотянутые газонепроницаемые костюмы. Шлем в верхней части их лиц был прозрачным, от шлема шли гибкие трубки, присоединенные к кислородным баллонам у них на спине.

Все соответствовало стандартной оперативной процедуре захвата. Ритианина крайне необходимо было взять живым, ничего непредвиденного не могло и не должно было случиться. Комната "Вэя" будет перекрыта двумя плоскими силовыми экранами, один из которых будет проектироваться с помощью стационарного оборудования, вмонтированного в столе Кассины, а другой - с помощью портативного проектора, который будет установлен группой захвата во внешних кабинетах. В тоже самое время каналы кондиционеров, обслуживающих комнату, будут заблокированы. И в этом замкнутом воздушном пространстве оперативники одновременно начнут распылять газ, который должен парализовать ритианина; если же что-то пойдет не по плану, они используют ножи. Это был маневр, который отрабатывался этими людьми сотни раз. Спенглер был уверен, что ничего непредвиденного не может случиться.

Спенглер ничего не сказал Кассине, только спросил, в своем ли кабинете находится Вэй. Затем он заколебался, как будто бы изменил свое решение, и пообещал перезвонить через несколько минут. Теперь Кассина стоял у стола, выпучив глаза.

- Что это такое? Что это такое? - с недоверием спрашивал он.

- Вэй, - быстро произнес Спенглер. - Отойдите с дороги, пожалуйста, полковник. Я объясню вам все чуть позже.

- Объясните! - резко сказал Кассина. - Смотрите, Спенглер...

Руководитель группы двинулся вперед к закрытой двери внутреннего кабинета. По его сигналу трое людей заняли позицию перед дверью, а другие двинулись, чтобы вывести Кассину из-за стола.

Кассина отступил, а затем стал двигаться, причем с внезапной яростью. Спенглер, оцепеневший от шока, увидел, как он с силой отбросил подходившего к нему оперативника, а затем бросился к группе возле двери. Группа была втянута в водоворот движения, затем дверь открылась. Кассина исчез, остальные наконец разобрались между собой и побежали за ним.

Спенглер обнаружил, что он тоже бежит вперед. Что-то острое как будто застряло у него в горле; приглушенные крики звучали у него в ушах. На мгновение одетая в зеленое спина закрыла ему весь вид, но он бросился в сторону, и теперь мог видеть все.

Ритианин, спина которого странно горбилась, наполовину припал к земле над раскачивающимся, вялым телом полковника Кассины. Руки монстра были зажаты вокруг горла Кассины.

Все было слишком ясно и слишком преувеличено.

Внезапно голос, которого Спенглер не слышал уже многие годы - носовой, высокой интенсивности голос его инструктора по классике - заполнил комнату. Несмотря на то, что громкоговоритель был выключен, Спенглер не мог понять, почему он передает то, что говорит профессор Хаусти.

- Почему милосердие нельзя измерить, оно столь же глубоко, как и благородство...

Это было очень странно.

Внезапно все помертвело и комната начала наклоняться под головокружительным углом, в то время как напряженное тело ритианина - или это был действительно капитан Вэй? - стало оседать так же медленно на тело своей жертвы. Спенглер делал слабые попытки привести в порядок себя по отношению к комнате, но, похоже, он был полностью парализован. Во всем его теле не было никаких ощущений. Затем пол стал разбухать и делался все больше и больше, и в конце концов превратился в слепящий испещренный дисплей, на который Спенглер смотрел длительное время, пока тот не посерел и не погас.

- Что случилось?

Это был как раз тот вопрос, на который Спенглер хотел получить ответ. Он пытался сказать что-нибудь, но другой голос начал говорить.

- Он вошел в комнату без костюма, на него подействовал газ.

О ком они говорят? Очень медленно до него дошло, что речь шла о нем. Вот в чем дело, вот почему все было таким странным минуту тому назад...

Он открыл глаза. Он лежал на кушетке в собственном кабинете. Два медицинских работника в бледно-зеленых халатах стояли у изголовья кушетки. Чуть дальше стояли Гордон, мисс Тимони и руководитель группы. Пембан сидел в кресле у стены.

Один из медиков неторопливо взял запястье Спенглера и подержал его несколько секунд, затем медленно поднял ему веко.

- С ним все в порядке, - сказал он повернувшись к Гордону. - Нет совершенно никакой опасности для здоровья.

Он направился к выходу, второй медик последовал за ним.

Спенглер сел, свесив ноги с края кушетки, и сделал несколько глубоких вдохов. Он все еще чувствовал себя ошеломленным, но его голова стала ясной. Он обратился к руководителю группы:

- Расскажите, что произошло.

Руководитель снял шлем и стоял с непокрытой головой в оранжевом облегающем комбинезоне и высоких ботинках. У него было оливкового цвета лицо с густыми черными бровями и жесткий ежик сидящих черных волос. Он сказал:

- Вы надышались газом, господин уполномоченный.

- Я знаю это, приятель, - произнес раздраженно Спенглер. - Расскажите мне об остальном.

- Полковник Кассина атаковал нас и проложил себе дорогу во внутренний кабинет, - начал руководитель группы. - Мы очень удивились, но мы выпустили газовую струю, а затем ворвались внутрь. Когда мы вбежали внутрь, то обнаружили, что ритианин пытается душить полковника Кассину. Мои люди и я использовали ножи. Не хочу оправдываться, господин уполномоченный, но полковник послужил препятствием для нас. Ритианин был убит.

Спенглер почувствовал резкий приступ тошноты, но подавил его усилием воли.

- Полковник Кассина? Как он?

- В плохой форме, как я понимаю, господин уполномоченный.

- Он в хирургическом отделении, сэр, - вмешался Гордон. - Он жив, но его горло разорвано.

Спенглер встал, немного дрожа.

- Что сделали с ритианином?

- Я распорядился, чтоб тело забрали в лабораторию, сэр, - ответил Гордон. - Там теперь доктор Бостиан. Но они ждут ваших распоряжений, чтобы начать.

- Хорошо, - сказал Спенглер, - давайте займемся этим.

Краем глаза он увидел Пембана с пытливым выражением на лице, который плелся позади групп, когда они направились к выходу.

С первого взгляда труп выглядел ничем иным, как телом молодого китайца, аккуратно убитого топором дотошного злого духа: зияющая рана шла через все тело от лба до пупка, затем был перпендикулярный разрез, и еще глубокие раны были на обеих ногах. Затем анатомы сняли человеческую маску, и оказалось, что под ней лежал ритианин. Самым худшим из всего этого, подумал Спенглер, был этот коричнево-желтый мех: он был более мягким на вид и более светлого цвета там, где он был примят, он напоминал мех плюшевого мишки из его далекого детства. Но это был какой-то отвратительный плюшевый медведь, существо с мягкими щупальцами и тупыми выпуклыми красными глазами, с мясистым пузырем внизу. Через него следовало бы переступить, подумал Спенглер, выбросить в мусоропровод и забыть.

Существо в точности заполняло человеческую оболочку. Верхнее кольцо щупалец было разделено по три с каждой стороны, чтобы заполнить руки; там, где лаборант приподнял их, виднелся белый скелет человеческой руки; как раз под кольцом щупалец показалось плечевое соединение. Щупальца второго кольца были плотно свернуты вокруг тела. Остальная часть торса и пространство ног было заполнено огромной выпуклостью мешкообразного живота ритианина.

Затем началось анатомирование...

Спенглер продолжал присутствовать только потому, что не мог придумать подходящего предлога для ухода. Кассина до сих пор находился в шоке, и его нельзя было видеть.

Бостиан и другие биологи вели себя как дети, получившие новую игрушку: сначала были исследованы мускулы и нервные окончания, и кровь, и лимфатическая система в "ногах", которые ритианин сформировал из своего бесформенного тела; затем, когда они вскрыли торс, они стали доставать кровавые куски один за другим и рассматривали их, и тыкали в них пальцами, и все время раздавались их восклицания: "О Господи, посмотрите на эту поджелудочную железу", или "Это легкое!" или "Это почка!"

В конце анатомирования не осталось ничего похожего на плюшевого медведя. Самое страшное было то, что, чем больше они резали, тем больше тело походило на человеческую фигуру...

Позже он стоял перед дверью в палату Кассины, а Пембан придерживал его за руку.

- Не говорите ему, что рити мертв, - повторял настойчиво маленький человек. - Скажите ему, что все было ошибкой. Пусть думает, что хочет. Это может оказаться важным.

- Почему? - спросил рассеяно Спенглер.

Пембан глянул на него с тем же странным, часто появляющимся у него выражением на лице, которое Спенглер замечал у него раньше, когда они выходили из его кабинета. Он должен был бы петушиться, подумал Спенглер рассеяно, а он не делает этого.

- Он все еще в опасности, господин уполномоченный. Он не отвечает за свои собственные действия. Вы должны убедить его, что вы приходили совсем не из-за Взя и что с Взем все в порядке, иначе, я думаю, он попыбует убить себя.

- Я не понимаю вас, мистер Пембан, - сказал Спенглер. - Откуда вы знаете, что кто-нибудь из докторов или сестер не сказал ему о происшедшем?

- Я просил их не говорить ему ничего, - ответил Пембан, ничуть не смутившись, - и дал им понять, что распоряжение исходит от вас.

Губы Спенглера сузились.

- Мы поговорим об этом позже, - сказал он и толкнул ладонью дверь.

4

Глаза Кассины были закрыты. Его лицо было мертвенного оливково-серого цвета, за исключением легкого румянца на щеках. У него был глупый, незащитный вид, как у всех спящих инвалидов.

Его голова поддерживалась валиком, в котором имелась специальная выемка для затылка. Жесткий бандаж покрывал шею. Рот Кассины был слегка открыт под щеточкой черных усов, искривленная всасывающая трубка была прикреплена к нижним зубам.

Трубка издавала низкий монотонный булькающий звук, который резко перешел в сухой шум посасывания. Медсестра подошла к кровати и встряхнула трубку пальцем; возобновилось бульканье.

Когда Спенглер отвел взгляд от человека, лежащего без сознания, к нему подошел врач. Врач был высоким человеком с небрежными манерами. Его руки расслабленно свисали. Его карие глаза блестели так ярко, что это могло означать только одно - он носил контактные линзы.

- Уполномоченный Спенглер?

Спенглер кивнул.

- Я доктор Хаузхолдер, заведующий данного отделения. Вы можете теперь задавать вопросы этому человеку, но я бы попросил вас, по возможности избежать того, что могло бы взволновать его, и постарайтесь не задерживаться более пятнадцати минут после инъекции. Он уже получил шестнадцать разных лекарств.

Спенглер вышел вперед и сел возле кровати. По кивку Хаузхолдера медсестра воткнула насадку для подкожной инъекции в голое предплечье Кассины. Она нажала на поршень и, освободив шприц, бросила его на поднос, заменив другим. Через минуту Кассина вздохнул и открыл глаза.

Другая сестра установила металлическую пластинку под рукой Кассины и мягко зажала перо между его пальцами. Провода от пластинки и пера шли вокруг кровати и вели к приземистому аппарату на колесиках с экраном, прикрытым капюшоном. Медсестра подошла к аппарату, щелкнула переключателем и стала возле экрана.

Глаза Кассины стали медленно поворачиваться, пока не обнаружили Спенглера. Он насутился и, казалось, старался заговорить. Его губы двигались ежеминутно, но его челюсть все еще безвольно висела с отсасывающей трубкой, прикрепленной к зубам. Монотонное бульканье выбрасываемой мокроты продолжалось.

- Не старайтесь говорить, - произнес Спенглер. - Ваша глотка и челюсть закреплены. Воспользуйтесь пером.

Кассина посмотрел вниз, и его рука стиснула тонкий металлический цилиндр. Через мгновение он написал:

"Что Вы сделали с Вэем?"

Слова ползли, как черные змеи по белому экрану. Спенглер кивнул и медсестра повернула ручку, написанный текст исчез.

Спенглер в раздумье посмотрел на Кассину. Он ожидал вопроса: "Что случилось со мной?" При данных обстоятельствах именно этот вопрос должен был прозвучать наверняка - с вероятностью 99,9 процента.

Но вместо этого Кассина спросил о Вэе. Нехотя Спенглер ответил:

- Ничего, полковник. Вы знаете, мы пришли не за капитаном Вэем. В его комнате скрывался ритианский шпион. Мы не могли предупредить Вэя, не спугнув ритианина.

Кассина серьезно посмотрел на Спенглера, как будто стараясь решить, обманывает он его или нет. Спенглер внезапно почувствовал, что его колени тяжелеют.

- С ним все в порядке? - написал каракулями Кассина.

- Все хорошо, - ответил Спенглер. - Мы взяли ритианина и тревога снята.

Кассина глубоко вздохнул и выдохнул. Его рот все был вяло расслаблен, как у идиота, но глаза улыбались. Он написал:

"Для чего Вы надели на меня эту смирительную рубашку?"

- Вы были ранены в борьбе. Вы встанете на ноги через несколько дней.

А сейчас вам нужно снова поспать. Спенглер подал знак. Медсестра с лошадиным лицом нажала на поршень шприца, закрепленного на руке Кассины.

Через мгновение она сказала:

- Полковник Кассина, мы хотим, чтобы вы написали числа от одного до пятидесяти. Пожалуйста, напишите.

На цифре "пятнадцать" каракули цифр стали расти и были написаны менее уверенно, цифра "двадцать три" была повторена дважды, за ней последовала дико пляшущая цифра "семнадцать".

В кабинетах давно уже закончили работу, а Спенглер все еще сидел у себя за столом. Он потушил верхнее освещение, единственный свет исходил от экрана, который стоял перед ним. На экране высвечивалась часть записи его беседы с Кассиной.

Спенглер щелкнул переключателем и прокрутил ролик записи в начало. Он начал снова читать появившийся перед ним текст.

Вопрос: Вы меня слышите, полковник?

Ответ: Да.

Вопрос: Я хочу, чтобы вы отвечали на поставленные мною вопросы ясно, обдуманно и по возможности как можно полнее. Когда и где вы впервые встретили капитана Вэя?

Ответ: В Дар-Эс-Саламе, в октябре 2501 года.

Вопрос: Вы уверены в этом? Вы говорите правду?

Ответ: Да.

Сознательная часть мозга полковника Кассины была убеждена, что он впервые встретил "Вэя" двадцать лет назад в Африканском регионе. Несколько повторений этого вопроса не дали изменений в ответе. Спенглер постарался выяснить обстоятельства, задавая вопросы о первой встрече после 18 декабря 2521 года, даты обнаружения ритианских агентов городским патрулем.

Он пропустил некоторое количество строк и стал читать дальше.

Вопрос: Что произошло после этого обеда?

Ответ: Я пригласил его к себе. Мы сидели и разговаривали.

Вопрос: О чем вы говорили?

Ответ: (двухсекундная пауза) Я не помню точно.

Вопрос: Я приказываю вам вспомнить. Что Вэй говорил вам?

Ответ: (трехсекундная пауза) Он говорил мне... Он сказал, что он капитан Вэй, служивший под моим началом в Африканском департаменте с 2501

по 2507. Он...

Вопрос: Но вы же знали об этом, не так ли?

Ответ: Да. Нет. (двухсекундная пауза). Я не помню.

Вопрос: Я перефразирую вопрос. Знали ли вы или не знали, что Вэй служил под вашим началом в Африканском департаменте?

Ответ: (трехсекундная пауза) Нет.

Вопрос: Что еще он рассказал вам в этот вечер?

Ответ: Он сказал, что выполнял работу в военно-морской службе безопасности. Сказал, что подал прошение о переводе, просил прикомандировать его ко мне адъютантом.

Вопрос: Рассказывал ли он вам еще что-нибудь в этот вечер, кроме подробностей о вашем предыдущем знакомстве и о своем переводе, давал ли он вам какие-нибудь инструкции или предоставлял информацию?

Ответ: Нет.

Вопрос: Перейдем к вашей следующей встрече. Что он вам говорил по этому поводу?

Постепенно вся история прояснилась, за исключением одного пункта. Спенглер натолкнулся на неожиданное препятствие, когда он подошел к событиям вечера двадцать шестого числа, то есть два дня тому назад.

Вопрос: Что сказал вам Вэй в этот вечер?

Ответ: (четырёхсекундная пауза). Я не помню. Ничего.

Вопрос: Я приказываю вам вспомнить. Что он говорил вам?

Ответ: (шестисекундная пауза, субъект проявляет повышенное волнение). Ничего. Я говорю вам.

Вопрос: Я приказываю вам отвечать, полковник Кассина.

Ответ: (субъект не отвечает; в конце пятой секунды начинает плакать).

Доктор Хаузхолдер: Пятнадцать минут истекло, господин уполномоченный.

Конец записи. Время - 15:52; 12.28.2521.

Позже, после полудня, после первого доклада Кейт-Ингрему, Спенглер вел еще одну беседу с Кассиной с использованием машины допроса. Он вынул следующий бланк, но должен был прекратить допрос через пять минут из-за возрастающих страданий Кассины. Освобожденный от машины допросов, Кассина впал в состояние комы, и Хаузхолдер объявил, что опасно сейчас задавать ему вопросы. Врач рекомендовал подождать его следующего уведомления для бесед с Кассиной.

Полчаса спустя, после разговора Спенглера с Кассиной, он получил отчет о том, что Кассина, находясь все еще в полусознательном состоянии, сделал энергичную попытку освободиться от защитного воротника, и у него началось обширное кровотечение. Сейчас его полностью обуздали, он получил большую дозу лекарств и ему постоянно делают переливание крови. Состояние его критическое.

Пембан, Пембан, Пембан. Ну просто нельзя было освободиться от него: независимо от того, где вы находитесь мысленно, все равно, в конце покажется Пембан, как будто вы были Роджером, пытающимся вырваться из мертвого сада космического существа.

Пембан опять был прав; Пембан всегда был прав. Ритиане включили в мозг Кассины некоторую постгипнотическую команду, и Кассина, стремясь выполнить установку, сделал все от него зависящее, чтобы убить себя.

- Мне кажется, - сказал Пембан в полдень, - что главным вопросом является вопрос, почему полковник Кассина так сильно старался добраться до рити, когда он обнаружил, что вы пришли за ним? Конечно, у него была команда сделать это, но почему? Не просто предупредить рити, потому что такое предупреждение ни к чему хорошему его бы все равно не привело, и кроме того, если бы дело было только в этом, почему рити старался убить Кассину?

- Хорошо, каково ваше объяснение, мистер Пембан? - спросил Спенглер, с трудом сдерживая свой голос.

- Ну, наверное, рити оставил некоторую информацию в подсознании Кассины, и не хотел, чтобы мы ее обнаружили. У меня была мысль по поводу этой информации, и именно поэтому я просил вас не говорить Кассине, что

рити мертв. Я предполагаю, что ему также дана другая команда - покончить жизнь самоубийством, если рити будет открыт. Я думаю, нам повезло, что мы еще имеем живого полковника Кассину, господин уполномоченный; я думаю, что теперь он самый важный человек во всей Империи.

- Ну, вы слишком сильно выразились, - сказал Спенглер. - Я не отрицаю, что эта спрятанная информация, какой бы она ни была, является очень важной. Но что вас заставляет считать, что она имеет решающее значение? Возможно, это запись ритианской шпионской или подрывной деятельности...

- Подрывной, - быстро сказал Пембан, - это не может быть чем-то другим, господин уполномоченный, так как рити не стал бы волноваться так сильно, если бы вы могли найти то, что вы уже знаете. Я уверен, что Кассина знает это; он знает, где заложены бомбы.

- Бомбы! - повторил Спенглер через мгновение. Мысль была абсурдной. - Они не будут вести себя так глупо, мистер Пембан. У нас есть военные установки на двухсот шестидесяти планетах, не считая флота в космосе. Мы нанесем ответный удар. Это было бы самоубийством для них - бомбить нас.

- Вы не понимаете, господин уполномоченный. Они не хотят бомбить Землю - если бы они хотели, то не было бы необходимости для рити оставлять запись, где находятся бомбы. Он бы просто установил на них часовой механизм и все. Мы не смогли бы сделать ничего, пока они не выберутся. Но он был последним живым рити и он не был уверен, что выберется с этой информацией, поэтому он должен был оставить запись. Это может означать только одно. Рити хотел иметь возможность предупредить нас: "Оставьте нас в покое, иначе..."

Мозг Спенглера бешено работал. Что было самое ужасное, так это то, что это было вполне возможно. Он не мог найти ошибки в этом рассуждении. Размещенные в укромном месте несколько сильных, среднего размера разрывных бомб разорвут планету на части, как гнилое яблоко. "Среднего размера" означало приблизительно шесть кубических сантиметров. Такие бомбы легко привезти контрабандой, легко замаскировать, почти невозможно обнаружить. Единственной защитой может быть радиочастотный экран над всей планетой; но если враг знает точное местоположение бомб, даже эта защита не сработает; тонкий направленный луч, точно нацеленный, пройдет через защитный экран и запустит бомбы. Все, что требуется, так это, чтобы раса была достаточно упряма для того, чтобы не только сказать "Оставьте нас в покое, иначе...", но и иметь именно это в виду, чтобы суметь выполнить угрозу. А из того, что рассказывал Пембан о ритианах, можно было сделать вывод, что они как раз и являются такой расой.

Но Земля играла на проценты. Земля принимала в расчет только вычисленный риск. Земля должна будет погибнуть.

Эта цепь рассуждений заняла у Спенглера доли секунды. Спенглер еще раз исследовал ее, сравнил ее с известными фактами и отбросил ее.

- Мистер Пембан, мы взяли Кассину. Не имеет значения, получим мы от него информацию или нет; единственное, о чем мы должны позаботиться, - это чтобы ритиане не получили ее.

Пембан выглядел немного мрачным.

- Нет, это вы полагаете, что Кассина - единственный, кто получил информацию. Мне хотелось бы надеяться, что так оно и есть, но я тогда не могу кое-чего понять. Разве не очевидно, что занесение такой информации в мозг Кассины - ошибка, так как его мозг - это то, что мы будем просматривать в первую очередь. Теперь, я вижу, что ритианин сделал эту ошибку скорее всего умышленно - потому что поступить так показалось ему настолько забавным, что он не мог сопротивляться этому желанию. Я не думаю, что он сделал так по глупости. Я думаю, что полковник Кассина был его запоздалой мыслью. Рити был дерзким, и решил спрятать сообщение еще раз, прямо у вас под носом. Я считаю, что он и его друзья уже внедрили его сотню, а то и две сотни раз, смотря по тому, сколько времени у них было. И если бы на их месте был я, я бы выбирал в качестве носителей сообщения межзвездных путешественников - агентов торговых фирм, служащих, которые

много путешествуют космическими кораблями, или посетителей Земли, прилетевших из других систем. Я полагаю, что именно так они и поступили. И если это так, то это практически стопроцентная гарантия того, что их агенты при необходимости доберутся до кого-нибудь из этих людей. Вы можете поддерживать эмбарго, не позволяя никому покидать планету, но как долго может продлиться процесс обработки каждой личности, которая могла бы быть потенциальным носителем сообщения?

- Годы, - коротко ответил Спенглер, уставившись в стол.

- Да. Это, конечно, можно сделать, и если вам повезет, этот план сработает. Но это убьет Землю так же наверняка, как и бомбы... Мы должны выяснить, что знает полковник Кассина, господин уполномоченный. Другого пути нет.

Сразу после этого разговора поступили новости о Кассине. Как будто специально был выбран этот момент, чтобы подчеркнуть слова Пембана! Затем были вторая и последующие неприятные беседы с Кейт-Ингремом. Затем Спенглер вернулся к некоторым повседневным делам, которые накопились у него за этот день и совершенно неожиданно он обнаружил, что рабочий день уже закончился.

Спенглер собрался уходить, но остановился у двери, посмотрел на молчаливые комфортабельные стены, повернулся и опять сел за стол. Действуя импульсивно - он даже не мог объяснить, почему он так поступает - Спенглер позвонил Джоанне и сказал, что не сможет с ней пообедать. И с этого момента он сидел в кабинете, практически не двигаясь.

Он нажал кнопку часов. Двадцать один восемнадцать и одна четверть.

Прошло три часа; а он не обедал. Он почувствовал тошнотворный привкус во рту, голова немного кружилась, но он совсем не чувствовал голода.

Он нажал кнопку и открыл вращающуюся часть стола, вынул фармацевтический флакончик с возбуждающими таблетками и угрюмо проглотил одну.

Дошло и до этого, медленно думал Спенглер. Они практически проиграли. Если бы не было одного-единственного человека - Пембана - проигрыш уже был бы окончательным. И все шло совершенно не так.

Пембан был нескладным, необразованным, дурно воспитанным человеком. Его методом была чистой воды импровизация. Следует, конечно, отметить, что у него были довольно развитые умственные способности, но они были необработанные, нетренированные, неуправляемые. Однако он получал результаты.

Почему?

Нельзя было объяснить все события минувших двух дней, просто отметив, что Пембану посчастливилось обладать специальными знаниями, недоступными службе безопасности, которые и оказались именно тем, что в данную минуту требовалось. Это была отговорка. Знания на самом деле не были "специальными"; это были сведения, которые Земля должна была иметь и старалась получить, однако у нее это не получалось.

И, опять-таки, почему?

Спенглеру казалось, что с момента прибытия Пембана, вселенная медленно и практически незаметно переворачивалась, пока не оказалась вверх тормашками. И, однако, ничего не изменилось. Пембан был все тем же, таким же остался и Спенглер и остальной мир, который он знал. Это напомнило ему одну из оптических иллюзий, которую можно увидеть среди первичных маскировочных средств - серия кубов, которые образуют лестничный пролет идущий вверх, а затем вы моргаете и кубы выгибаются, или ступени ведут теперь вниз. Или как другая игра, где изображены силуэты двух мужчин, ограниченные сверху и снизу сходящимися линиями перспективы: вам кажется, что один мужчина гораздо выше другого, но когда вы измеряете их оказывается, что они одинакового размера или даже, тот, который казался меньше, на самом деле больше размерами.

Спенглер выругался. Он осознал, что дошел до того, что готов

подняться, взять скутер до остановки Уровень G, номер 1-11 и покорно просить Пембана объяснить ему, почему Солнце теперь вращается вокруг Земли, черное стало белым, а большие желуди растут на маленьких дубах.

Он взял мнемокуб и яростно вставил его в стол.

Этот жест не принес ему облегчения; ощущение бунта прошло, а депрессия и замешательство остались.

Неотвратно и обреченно - как мотылек летит на свет, как Магомет идет к горе, так Спенглер шел к Пембану.

На этот раз дверь была закрыта.

Через три секунды скутер умчался туда, откуда он приехал, огни зажигались перед ним в пустынном коридоре, когда он проезжал мимо. Он повернул за угол на Эпсилон и исчез, направляясь к невидимому прохожему, который вызвал его.

Тишина.

На пять метров в обе стороны по коридору неяркие огни освещали каждую деталь покрытых блестящими обоями стен, математические линии дверей и служебных выходов, почти невидимые следы ног, которые ночью будут превращены в молекулярную пыль, и она будет втянута всасывающими трубами. За этим расстилалась темнота. Где-то далеко иногда на мгновение вспыхивала точка света, как пролетающая звезда, когда кто-нибудь пересекал коридор.

На минуту Спенглер представил себе, что будет, если жизнь прервется: мили пустых коридоров, тишина, медленно кружащаяся пыль, постепенное нашествие насекомых. Мертвая тяжесть Холма, опускающаяся невидимо на тебя, ужасная, неосязаемая тяжесть трупов.

Поборов раздражительность, Спенглер положил руку на дверную пластинку.

Ему пришлось довольно долго ждать, пока дверь приоткрылась. Пембан в домашней куртке и брюках, мигая, глядел так, как будто он только проснулся.

- О, господин уполномоченный. Входите, пожалуйста.

Спенглер сказал с сомнением в голосе:

- Я боюсь, я потревожил вас. Мой вопрос несрочный. Я поговорю с вами завтра.

- Нет, что вы, пожалуйста, проходите, господин уполномоченный. Я рад, что вы пришли. Я как-то плохо себя чувствовал, сидя здесь один.

Он закрыл дверь за Спенглером.

- Выпьем? У меня еще осталось полбутылки виски и целая бутылка содовой.

При мысли о виски в желудке Спенглера стало беспокойно. Он отказался и присел на кресло.

На столе перед шезлонгом было разложено несколько листов бумаги и лежала инкрустированная старинная электроручка.

- Я как раз писал письмо своей жене, - пояснил Пембан, проследив за взглядом Спенглера. - Или вернее будет сказать, пытался писать... - Он улыбнулся. - Я не могу рассказать ей ничего важного, не нарушая секретности. И я знаю, что я, скорее всего, вернусь на Ганимед еще до того, как туда придет это письмо после снятия эмбарго. В любом случае в этом занятии мало смысла. Но все же это хоть какое-то времяпровождение.

Спенглер кивнул.

- Очень жаль, что мы не можем отпустить вас прямо сейчас. Но здесь, на Холме, есть прекрасная секция развлечений. Ну, знаете - кинотеатры, компьютерные шахматы, комнаты сна, ванны...

Пембан покачал головой, все еще улыбаясь.

- Я не получаю удовольствия от всех этих развлечений, господин уполномоченный.

Его тон, как показалось Спенглеру, был наполовину раскисающимся, наполовину снисходительным. Без сомнения, у них на Менхевене были другие, более энергичные развлечения. Наркотики или общие купания, наверное, кажутся им слабыми и ограниченными развлечениями.

Не зная, о чем еще говорить, Спенглер выпалил:

- Скажите мне честно, Пембан, вы презираете нас?

Глаза Пембана медленно расширились, а затем сузились, и все его лицо застыло.

- Стараюсь не допускать этого чувства, - сказал он спокойно. - Это было бы слишком легко. Вы пришли, чтобы спросить меня об этом, господин уполномоченный?

Спенглер наклонился вперед, поставив локти на колени, сцепив руки.

- Я думаю, что да, - ответил он. - Извините мою грубость, Пембан, но я действительно хочу знать. По вашему мнению, что с нами не так? Чтобы вы изменили, если бы смогли?

Пембан сказал осторожно:

- Как бы вы мотивировали то, что задали мне такой вопрос, господин уполномоченный?

Спенглер посмотрел на Пембана. Под этим углом зрения Пембан выглядел несколько крупнее, более впечатляющим. Спенглер уставился на него, чувствуя восторг открытия: лицо этого человека не было ни уродливым, ни смехотворным. Взгляд его глаз был твердым, живым и светился умом; широкий рот был твердым. Даже торчащие в сторону уши и широкие щеки придавали ему дополнительную силу и пытливое достоинство.

Спенглер сказал:

- Я хочу иметь информацию. Я очень ошибочно о вас судил и я прошу прощения, но этого недостаточно. Я чувствую, что должно быть что-то ошибочное в моих базовых предпосылках, вообще со всей Империей. Я хочу знать, почему мы проиграли в случае с ритианами, а вы преуспели. Я думаю, что вы могли бы мне помочь, если бы захотели.

Он подождал.

Пембан медленно произнес:

- Господин уполномоченный, я думаю, что вами руководит совсем другой мотив, осознаете вы это или нет. Давайте я назову его и посмотрим, согласитесь ли вы со мной. Слышали ли вы когда-нибудь о приоритете клевка у кур?

- Нет, - ответил Спенглер. - Кстати, зовите меня Спенглер или Торн.

- Хорошо - Торн. Вы можете называть меня Джой, если вам хочется. Теперь, о курицах. Предположим, их во дворе двенадцать. Если вы понаблюдаете за ними, то заметите, что у них существует жесткая социальная иерархия. Курица А клюет всех остальных, курица Б клюет всех остальных, за исключением А, курица В - всех кроме А и Б и так далее до курицы Л, которую клюют все, а она не может клевать никого.

- Так. Понимаю.

Пембан продолжил без всякого выражения:

- Вы являетесь курицей Б или В в подобной системе. Существуют один или два вышестоящих лица, которые являются вашими правителями, а вы играете ту же роль для остальных. Теперь, если кто-либо новый попадает во двор, вы точно знаете, является ли он тем, кто клюет, или тем, кого клюют. Но я представляю собой совершенно другой случай. Я - другая разновидность курицы, я на самом деле не принадлежу к вашему двору, поэтому вы стараетесь не клевать меня, разве что когда я провоцирую вас; это просто унижает ваше достоинство. И все это до тех пор, пока вы не обнаруживаете, что я клюю вас. Теперь вы стараетесь разместить меня в вашей системе выше себя, потому что вся система клевков просто развалится, если вы будете получать их в обоих направлениях. Поэтому вы пришли сюда, чтобы сказать: "Я знаю, что вы выше меня в системе клевков, ну и хорошо. Давайте, клюйте меня."

Спенглер уставился на него в молчании. Ему было интересно наблюдать, что, хотя он и чувствовал себя униженным, на самом деле эмоции не носили неприятный оттенок. Это разновидность очищения, подумал он. Иногда полезно для всех, чтобы кто-то показал, что вы привязаны к колышку и подергал за веревочку.

- Более того, - продолжил Пембан, наблюдая за ним, - вы получаете удовольствие от этого. Иногда приятно раболепствовать перед тем, кого вы

считаете сильным, особенно тогда, когда ваше положение и старшинство вне опасности. Разве это не так?

- Я не могу сказать, что вы ошибаетесь, - ответил Спенглер, стараясь быть честным. - Я никогда раньше не слышал, чтобы все это выражали таким образом, но это действительно правда, что я поставлен в условия, которые вынуждают меня принимать авторитет одних и быть авторитетом для других - и тут, вы правы, я получаю удовольствие и от одного и от другого. Это необходимое состояние в моей профессии, или по крайней мере я в этом был убежден. Я полагаю, что это не очень хорошо, если смотреть объективно.

Пембан потянулся к графину с виски, но затем передумал. Он посмотрел на Спенглера, криво улыбаясь.

- Но чего вы не понимаете, так это того, что я не получаю от этого удовольствия. Возможно, вам трудно понять, но мне не нравится бить кого-либо, кто не пытается дать мне сдачи. Вся эта беседа неприятна для меня, но я не мог избежать ее. Вы поставили меня в такое положение, когда совершенно неважно, буду ли я говорить, или совсем откажусь разговаривать с вами, я все равно буду делать то, что хотите вы. И это самая забавная часть, господин уполномоченный, - заставляя меня ранить ваше чувство собственного достоинства, вы раните мое достоинство в два раза сильнее. Я думаю, дурной привкус останется у меня надолго.

Спенглер медленно встал. Он два раза глубоко вдохнул, но его внезапный гнев не уменьшился, он продолжал нарастать. Он с большей осторожностью сказал:

- Я не хочу, чтобы гора обвалилась на меня. Эта замысловатая беседа, которая была у нас, мистер Пембан... она означает, что одного ясного и обдуманного оскорбления достаточно.

Внезапно он увидел Пембана таким, каким воспринимал его с самого начала: вызывающим раздражение маленьким, уродливым дикарем из колонии. Пембан сказал:

- Ну вот, теперь вы сердитесь. Это все потому, что я не хотел играть с вами в вашу игру клевков.

Спенглер произнес в бешенстве:

- Мистер Пембан, я пришел сюда не для того, чтобы выслушивать ваши оскорбления или рассказы о психологии курятника. Я пришел просить вас об информации. Если вы настолько потеряны для общепринятой благопристойности... - Он не знал, как закончить эту фразу и начал по-другому. - Возможно, будет лучше, если я напому вам, что я уполномочен требовать вашей помощи, как официальный представитель Империи.

Пембан ответил спокойно:

- Я здесь, чтобы помочь вам, чем могу, господин уполномоченный. Что конкретно вы хотите от меня?

- Я просил вас, - сказал Спенглер, - рассказать мне, какие, по вашему мнению, промахи, ошибки допустили военное ведомство и служба безопасности в деле ритиан.

Когда Пембан попытался заговорить, Спенглер перебил его.

- Ваши замечания запишите на кассету и передайте ее мне завтра утром.

Его голос звучал неестественно громко даже для его собственного уха.

Спенглера поразило и шокировало то, что он кричал во весь голос.

Пембан грустно и с укором покачал головой.

- Я был бы рад... если бы получил ваш запрос в письменном виде, господин уполномоченный.

Спенглер со скрипом стиснул зубы.

- Вы получите его завтра, - сказал он.

Он повернулся, открыл дверь и быстро пошел по пустому коридору. Он остановился, чтобы вызвать скутер, не раньше, чем завернул за угол, и дверь Пембана исчезла у него из поля зрения.

Он нашел Джоанну в башне. Джоанна лежала, откинувшись на секцию кушетки с приподнятой спинкой, образующей кресло. Комнату заполнял громкий

мужской голос, выкрикивающий невразумительные слоги на фоне громко играющего оркестра. Мозг Спенглера какое-то время тупо боролся со словами, затем отбросил их с отвращением. Запись была из старинной коллекции Джоанны, пели на одном из мертвых языков. Немецкий, полный длинных гласных и звучных свистящих.

Она взмахнула рукой над панелью управления, и звук уменьшился до переносимого уровня. Джоанна встала и пошла ему навстречу.

- Я думаю, ты был выбит из колеи, когда звонил мне, - сказала она целуя его. - Садись. Положи ноги поудобнее. Хочешь поесть?

- Нет, - ответил Спенглер. - Я не могу, я слишком устал, чтобы есть.

- Я кое-что закажу. Ты можешь не есть, если не захочешь.

- Прекрасно, - произнес он с усилием.

Она позвонила по старинному селектору, стоящему возле кушетки, затем села возле Спенглера.

Голос все еще что-то выкрикивал, но как будто откуда-то издалека. Он вырос до крещендо, затем последовал умирающий вздох оркестра, минутная пауза. Потом началась другая песня.

- Почему ты не приобрела перевод? - спросил он раздраженно.

- Не знаю, мне нравится так, как есть. Выключить?

- Это не ответ, - сказал Спенглер, сдерживая раздражение. - Тебе нравится так, как есть - почему? Потому что непонятно? Разве это нормальная причина?

На селекторе загорелась лампочка. Джоанна открыла бункер, вынула оттуда тубик мясного бульона и бутерброды и поставила еду на столик возле локтя Спенглера.

- Из-за чего ты злишься на самом деле, Торн? - спросила она спокойно.

- Я скажу тебе, - произнес Спенглер, садясь прямо. Слова вылетали у него неконтролируемо. - Ты думаешь, мне и всем, кто знает тебя, непонятно, что ты делаешь с собой из-за этой болезненной одержимости? Ты думаешь, мне приятно сидеть здесь и наблюдать, как ты валяешься в прошлом, как собака в дерьме, потому, что боишься всего, что не было падалью, похороненной пятьсот лет тому назад?

Ее глаза расширились от внезапного шока, и Спенглер почувствовал ответную волну чистой радости. Это было то, ради чего он и пришел сюда, осознал он, хотя он и не понимал этого раньше. Это было то, что он должен был сказать давно. Она внезапно вся покраснела от груди до кончиков волос, а затем стала мертвенно-бледной.

- Прекрати, - сказала она напряженным голосом.

- Я не остановлюсь, - сказал Спенглер, подчеркивая каждое слово. -

Посмотри на себя. Ты - полуживая полуженщина. Ты позволяешь себе быть живой только для того, чтобы выполнить работу, отвечать, когда с тобой говорят, и отвечать любовнику. Остальная часть тебя мертва и покрыта пылью. Я чувствую ее, когда целую тебя. Как ты думаешь, как я чувствую себя, когда хочу тебя и знаю, что ты недостижима для меня, и не потому...

Она вскочила и пошла к двери. Спенглер догнал ее, толкнул ее назад на кушетку и удерживал ее, навалившись все своим весом.

- ...и не потому, что ты принадлежишь кому-нибудь другому, или будешь принадлежать, а потому, что ты слишком пуглива, слишком эгоистична, слишком погружена в себя, чтобы когда-нибудь принадлежать кому-нибудь.

Она боролась с ним безрезультатно. Ее глаза были наполнены слезами, она вся дрожала.

Спенглер расстегнул ее одежду и снял ее.

- Посмотри на себя! Ты же женщина, живое существо, а не мумия! Почему ты ненавидишь себя? Разве ты получаешь удовольствие от того, что убиваешь себя и все, к чему ты прикасаешься? - Он затряс ее. - Отвечай мне.

Она вздохнула:

- Не могу...

- Что ты не можешь? Ты можешь чувствовать, ты можешь говорить, ты можешь делать все, что может делать человеческое существо, но ты не хочешь. Ты не можешь покинуть свою маленькую нарядную раковину, которая

оберегает твою жизнь. Ты не покинешь ее, чтобы спасти Империю, даже чтобы спасти свою жизнь.

- Пусти меня.

- Ты не больная, и не испуганная, ты просто эгоистка. Холодная и эгоистичная. Все для Джоанны, и пусть остальная часть Вселенной хоть вешается!

- Пусти меня.

Ее дрожь прекратилась; она все еще тяжело дышала, но ее бледные губы перестали дрожать и обрели жесткое выражение. Она подняла веки и посмотрела на него прямо, не мигая.

Спенглер поднял свободную правую руку и ударил ее по лицу. Ее голова качнулась. Она посмотрела на него скептически, ее рот приоткрылся.

Спенглер ударил ее опять. После третьего удара опять появились слезы. Ее лицо неожиданно сжалось и она издала ряд коротких звериных звуков. После четвертого удара она перестала откидывать голову. Ее тело обмякло, глаза были закрыты, без выражения. Ее всхлипывания стали механическими и бессмысленными, и походили на приступ икоты.

Спенглер скатился с нее, встал и сел в кресло. Он чувствовал себя выпотрошенным и пустым. По всем его членам разлилась тяжелая усталость; он чувствовал как медленно и сильно бьется его сердце. Он сказал бесцветно:

- Ты можешь подняться. Я не хочу больше бить тебя.

Через определенный промежуток времени она села, сгорбив спину и опустив голову. Когда она поднялась на ноги и направилась к дверям ванной комнаты, Спенглер поднялся и стал перед ней, схватив ее за руки.

- Послушай меня, - сказал он, - ты должна выйти за меня замуж и мы будем счастливы. Ты понимаешь это?

Она посмотрела на него, не проявляя никакого интереса.

- Ты дурак, - произнесла она.

Она стояла неподвижно, пока он не отпустил ее, а затем не спеша прошла в ванную. Дверь закрылась за ней и Спенглер услышал, как щелкнул замок.

5

Спенглер вошел в кабинет, как обычно, за полчаса до начала рабочего дня. Он долго сидел после того, как покинул башню Джоанны прошлой ночью, а после этого плохо спал. Сегодня утром у него болела голова, и эту боль возбуждающие средства не могли подавить полностью, но его ум был ясным и холодным. Он точно знал, что он хотел сделать.

Положение дел, после его грубой ошибки, которую он совершил прошлой ночью, все же можно было восстановить. Это была, конечно, катастрофическая и недопустимо грубая ошибка, она отбросила его назад, по крайней мере месяцев на шесть, но не выбила его из колеи окончательно. Его первым побуждением было послать Джоанне подарок: что-нибудь, что понравится ей так сильно, что она не сможет отказаться его принять - старинную картину, или книги, или пластинки. Вполне вероятно, можно было найти нечто такого сорта среди вещей, реквизированных департаментом в случаях измены; он мог бы поискать и у частных коллекционеров. Он даже уже сочинил записку к такому подарку: она была смиренной без раболепия, полной сожаления без надежды. В ней подразумевалось, что Спенглер больше никогда не увидит Джоанну. И он на самом деле не будет видеть ее - по крайней мере месяц.

Последние три недели этого месяца Спенглер собирался посвятить большой стратегии - распространению слухов, которые наверняка достигнут ушей Джоанны: что он ушел весь в работу, что он перестал улыбаться, что он был болен, но отказался от лечения. Что-нибудь в этом роде, детали он отработает позже.

Первая неделя будет посвящена совершенно другой цели. Его разрушительный взрыв прошлой ночью имел, по крайней мере, один хороший

эффект; он научил Спенглера, что нельзя вести несколько битв одновременно. Начиная с сегодняшнего дня вся его энергия будет направлена на одну цель: раздавить Пембана.

Это можно сделать, и это должно быть сделано. Он недооценил этого человека, но теперь все. С сегодняшнего дня все будет по другому.

- Десять часов, - пропищали часы.

На его столе лежала кассета итоговых отчетов, адресованных ему Кейт-Ингремом. Деятельность ритиан теперь была частично отслежена: восемь из них, путешествуя вместе, достигли Земли как пассажиры "дикого" грузового космолета второго класса, который приземлился в Стамбуле десятого декабря. Из Стамбула они, как стало известно, стратосферным экспрессом добрались до Парижа, дальше их следы терялись, пока семеро из них не появились восемнадцатого декабря в Альбукерке. Восьмой ритианин вылетел на борту лайнера, покидающего систему Капри двенадцатого декабря, всего через два дня после прибытия группы. Он высадился в Лули, где его след затерялся.

Без сомнения, подумал Спенглер, там он изменил свой внешний вид и продолжал путешествие окольным маршрутом. Сейчас он уже в ритианской системе.

Его возвращение раньше всей группы было загадкой. Очевидно, группа еще не закончила выполнение своего коллективного задания, иначе остальные уехали бы тотчас. Или же у них были разные задания, и он выполнил свое раньше остальных. А, может быть, ритиане посчитали какую-то информацию настолько важной, что отослали немедленно посланца с ней обратно.

Спенглер быстро просмотрел план конференции, который мисс Тимони подготовила вчера днем, затем отложил его и провел полчаса, диктуя многочисленные записки.

В записке для Пембана он повторил вчерашние вопросы слово в слово.

В записке для Кейт-Ингрема он докладывал о состоянии полковника Кассины и проводил анализ ситуации, данный Пембаном, без комментариев.

В записке к Бостиану он просил предоставить, и предоставить как можно скорее, приемлемую процедуру для выявления ритианской маскировки.

Ответ Пембана поступил к нему незамедлительно; по всей видимости, он подготовил его ночью и держал наготове до поступления формального запроса от Спенглера.

Спенглер со злостью установил кассету и стал просматривать текст. Он был составлен на хорошем стандартном языке, таком хорошем, что у Спенглера мгновенно возникло подозрение, что Пембан может и говорить на стандартном языке вполне правильно, а не со своим жутким произношением - если захочет.

Он прочитал документ по частям.

- По моему мнению, наиболее серьезной слабостью исполнительного персонала на Земле является чрезмерная зависимость от предписанных методов и правил и подавление оригинального мышления и личной инициативы. Я осознаю, что такой подход соответствует всеобщей политике, которую будет очень трудно, а, скорее всего, практически невозможно, изменить в рамках все Империи, но мне кажется, что необходимо уделить внимание этой проблеме на высших уровнях и приложить усилия, чтобы изменить по возможности существующие условия.

В мою компетенцию не входит предлагать модель процедуры, особенно если учесть, что эта проблема частично философского плана. Склонность исполнительского персонала Империи интерпретировать правила и директивы однозначно и буквально, на мой взгляд, совершенно четко связана с тенденцией к стандартизации искусства, образа действий, обычаев и языка Внутреннего мира. Что касается последней из мною перечисленных категорий, как одной из наиболее важных, я хочу сослаться на исчезновение всех языков Земли за исключением стандартного, а в стандартном хочу отметить уменьшение количества омонимов и синонимов, а так же усиливающуюся тенденцию ограничивать слова единственным значением...

Спенглер вынул кассету и поместил ее в ящик "ожидание действия". Через несколько минут должна была начаться первая конференция.

Он оставил указания Гордону, чтобы тот передал ему сообщение от Бостиана, как только оно поступит. Через сорок пять минут с момента начала конференции в ящик для входящих бумаг, находящийся перед Спенглером, поступила кассета.

Полковник Леклерк, заменивший Кассину, с энтузиазмом в голосе зачитывал сообщение об определенных трудностях, с которыми сталкивается флот, охраняя кордон над Землей, и путях преодоления этих трудностей. Леклерк был самым старым участником конференции и типичным пережитком, представителем предыдущего поколения, который из-за сокращения правительственного и военного персонала вследствие бедственной для армии Картагелланской войны, прошел прискорбно нестрогий отбор. Он был таким человеком, о котором каждый автоматически думал "не модный". Его манеры были слишком кипучими, его жесты были слишком широкими, его речь была неточна и изобилвала анахронизмами. Спенглер терпеливо ожидал, когда он остановится, а затем прервал его:

- Спасибо, полковник. Теперь, прежде чем мы продолжим, я, с вашего позволения, отвлекусь на минутку.

Он установил кассету и зажег экран. Записка гласила:

Бостиан, Бюро внеземной физиологии.
Спенглеру, Департамент безопасности
12.29.2521

БВФ Исходящий ЦД 18053990

ДБ Входящий ЦД 50347251

1. Рекомендуемая процедура для идентификации представителей ритианской расы, маскирующихся под людей, приводится ниже.

2. Сделать вертикальный разрез размером 1,7 см, используя инструмент, покрытый слоем пасты указанного состава (Приложение А) посередине бедра или плеча субъекта. Реагент в сочетании с жидкостью ритианского тела дает блестящий пурпурный осадок. При контакте с человеческой кровью реакция отсутствует.

3. Для удобства использования рекомендуется выполнять с помощью лезвия, которое применяется в случаях прививок против гриппа, наброски которого приведены в приложении Б.

4. При необходимости смазанное лезвие может также содержать снотворное, которое эффективно влияет на ритианское тело (Приложение В).

5. Конец. Внимание. БВФ ЦД 18053990 А

БВФ ЦД 18053990 Б

БВФ ЦД 18053990 В

Спенглер улыбнулся и стер экран.

- Информация удовлетворительная, господин уполномоченный? - живо заинтересовался полковник Леклерк.

- Вполне удовлетворительная, полковник. - Быстро, чтобы не дать Леклерку опять вернуться к своей теме, Спенглер повернулся к Пембертону, представителю мэрии. - Мистер Пембертон?

Молодой человек начал раздраженно:

- Нам не хотелось бы казаться нетерпеливыми, господин уполномоченный, но Вы знаете, что наша служба испытывает значительное напряжение. Теперь Вы дали нам понять, что ритианин уже пойман и убит, поэтому мы хотели бы знать, как долго...

Спенглер слушал его терпеливо - по крайней мере, внешне это выглядело так, как будто он не слышал выражаемого Пембертоном недовольства мэрии каждый день с момента введения эмбарго. Спенглер закончил разбор с Пембертоном гладко и вежливо, но не допускающим возражений тоном, и объявил перерыв.

В своем кабинете Спенглер закончил читать записку Бостиана и продиктовал подтверждение параграфов с первого по третий. Параграф четыре

представлял собой хорошие намерения, но любой документ, содержащий такую статью проходил официальными каналами вдвое дольше.

Спенглер перемотал кассету и дал компьютеру задание на изготовление трех копий, одну из которых он адресовал Кейт-Ингрему, одну - Бостиану, а третью - человеку, командовавшему производителями, приписанными к службе безопасности с приоритетом AAA. Затем он вынул послание Пембана и тщательно его перечитал.

- Относительно предполагаемого ритианского псевдогипноза на агентов Империи, я опять предполагаю, что главная ошибка коренится глубоко в социальных комплексах Земли и в жесткой организации управления Империей. По опыту автора записки в большинстве Внешних миров найдется мало объектов, поддающихся гипнозу - в отличие от Земли. По крайней мере, если речь идет о персонале Империи. Можно сказать, что человек, который успешно впитал все негласные установки и условные позиции, требуемые от него согласно занимаемой им должности в Империи, уже наполовину загипнотизирован; или, другими словами, существует тенденция отбирать не думающие умы и продвигать их по служебной лестнице...

Спенглер зло ухмыльнулся и спрятал кассету.

Как типичен для этого человека был его доклад! Студенистая масса наивности, окружающая крошечную колючку злобы. На месте Пембана Спенглер просто бы отказался отвечать на вопрос. Или же, так как Пембан не работал ни на один из заинтересованных департаментов, то ответ должен был быть благовидным и корректным, и не более того.

Такое должно было случиться с Пембаном; однако он тупо принял запрос и дал на него ответ полный, и как готов был поверить Спенглер, честный. Это был документ разрушительной силы; некоторые фразы в нем, особенно "в рамках Империи", были откровенно изменнические. Но Пембан написал его, однако при этом он включил в записку комментарий о Спенглере.

Но этот комментарий был таким разрушительным для Спенглера, что на фоне его недостатки Пембана выглядели детскими. Поэтому для самого Пембана не было риска. Но почему он затруднял себя написанием такой записки с осторожно выбранными фразами на четверть кассеты, зная, что она будет похоронена в файлах данных, вместо того, чтобы написать отказ в две строчки? Просто "чтобы что-то делать?"

Спенглер так не думал. Существовала любопытная согласованность во всех чудачествах Пембана: все они вязались друг с другом. Содрогаясь, он заставил себя восстановить беседу, которая была у них прошлой ночью. Опять же с нормальной точки зрения Пембан создал себе массу трудностей. Поставленный перед таким затруднительным вопросом Спенглера: "Что не так с Империей?", и еще более смущающим вопросом: "Вы презираете нас?", нормальный человек просто что-нибудь бы солгал.

В любом случае Пембан, по его же собственным словам, не получал удовольствия от того, что говорит правду. К чему был этот комментарий? "...плохой вкус...". Все равно. Из этого всего возникало представление о Пембане, думал Спенглер, как о человеке, который был принудительно, почти патологически честен. Да, это объясняло все. Его искренность не носила этико-религиозного характера, она была символична. Это был жест.

Спенглер чувствовал, что покраснел, и его губы напряглись.

Оставался вопрос: "Чего этот человек добивался?"

У Спенглера все еще не было ответа; но у него было такое чувство, что он очень близко подошел к разгадке.

В одиннадцать часов пришел отчет от заведующего психиатрической секцией больницы. Информация, которую служба безопасности хотела получить от полковника Кассины, была все еще недоступной и, по мнению работников психиатрического отделения, получение ее нельзя было форсировать, так как существовала реальная угроза разрушения личности пациента. Они запрашивали, обладает ли Спенглер достаточными полномочиями, чтобы не считаться с возможной потерей Кассины.

В одиннадцать часов десять минут раздался телефонный звонок от Кейт-Ингрема.

- В деле Кассины, Торн, есть продвижения?

Спенглер доложил.

Кейт-Ингрем задумчиво потер квадратный подбородок.

- Все складывается очень неудачно, - произнес он. - Если ты хочешь знать мое мнение, то Империя переживет потерю полковника Кассины, но мне придется обращаться в Высокое Собрание за разрешением, и, естественно, военные будут возражать. Хотелось бы найти другой путь. Ты не консультировался с Пембаном по этому поводу?

- Отчет только прибыл перед вашим звонком.

- Хорошо, давай все выясним прямо сейчас, если сможем. Подключи его к нашему разговору.

С каменным лицом Спенглер установил необходимую связь.

Изображение Кейт-Ингрема уменьшилось и переместилось на одну половину экрана. Во второй половине появилось изображение Пембана.

Кейт-Ингрем сказал:

- Итак, мистер Пембан, вы помогли нам найти выход из затруднительного положения на протяжении всего этого периода. Есть ли у вас какие-либо соображения, которые были бы полезны на этой стадии работы?

На лице Пембана застыло вежливо-внимательное выражение. Он сказал:

- Мне трудно придти к какому-то решению. Разрешите мне минутку подумать.

Вне видимости экрана пальцы Спенглера судорожно вцепились в край стола.

Наконец Пембан поднял глаза.

- У меня есть одно соображение, - произнес он. - Это трудный путь, но если это сработает, то вы получите информацию, которую хотели бы получить, не мучая полковника. Я думаю, что, когда рити внедряли эту информацию, они задали субъекту в некотором роде пусковой механизм, чтобы заблокировать сообщение. Если пусковой механизм словесный, у нас нет шансов выйти на него случайным образом. Но вот сейчас мне пришла в голову мысль, что пусковой механизм может представлять собой ситуацию, а совсем не фразу или предложение. Я имею в виду, что это может быть комбинация различных видов раздражителей, - скажем, определенный запах, плюс определенное освещение, плюс определенный температурный режим и так далее.

- Но то, что вы говорите, не очень-то обнадеживает, мистер Пембан, - заметил Спенглер.

- Подожди, - перебил его Кейт-Ингрем, - мне кажется, что я догадываюсь, к чему клонит мистер Пембан. Вы имеете в виду, что ритиане в качестве стимула использовали комплекс обычных условий собственной планеты?

- Именно, - ответил Пембан с улыбкой. - Конечно, мы не можем быть уверены, что это так, но мне кажется, что это хороший шанс. В любом случае эта идея не такая уж странная, как кажется, потому что эти условия доступны для рити на любой планете, где живет определенное их количество. Вы заходите в любой ритианский дом и можете подумать, что вы на Сирахе. Помните, они привыкли жить в своих лиановых городах. Они не любят находиться взаперти. Поэтому когда им приходится жить в домах, они помещают лианы на экран, создавая иллюзию леса, создают искусственный свет и тень, и дурачат себя таким образом.

- Понятно, - сказал Кейт-Ингрем. - Это звучит прекрасно, мистер Пембан. У меня возникает только один вопрос: сможем ли мы точно воспроизвести эти условия?

- Я думаю, что да, - ответил Пембан. - Это не вызовет больших затруднений.

- Хорошо. Я думаю, что мы в любом случае сделаем попытку. Что ты скажешь, Торн? Ты согласен?

Спенглер, заметив как едва приподнялась правая бровь Кейт-Ингрема и как его рот сжался в строгую линию, понял, что его начальник прекрасно

знает, что Спенглер не согласен с этим планом, и это его радует.

- Конечно, - вежливо заметил Спенглер.

- Тогда решено. Я оставляю вас с Торном, чтобы вы проработали детали.

Конец связи.

Его улыбка исчезла, половина экрана осталась пустой.

Спенглер холодно обратился к Пембану:

- Это ваш проект, мистер Пембан, и я возлагаю все руководство им на вас. Вы можете выбрать любое помещение, материалы, а также привлечь любых исполнителей, какие вам потребуются. За подтверждением ваших полномочий пусть начальники секций обращаются ко мне. Я прошу вас докладывать мне о работе дважды в день. Есть вопросы?

- Вопросы нет, господин уполномоченный.

- Конец связи.

Спенглер прервал соединение, затем снова набрал номер Кейт-Ингрема. Он получил ответ "занято", но оставил связь включенной. Через двадцать минут лицо Кейт-Ингрема появилось на экране.

- Да, Спенглер? Что еще? Я очень занят.

Спенглер заговорил бесстрастно:

- Есть два вопроса, которые я хотел обсудить с вами, Шеф, и мне казалось, что их не стоит поднимать при Пембане.

- Они срочные?

- Очень.

- Хорошо. Так что это за вопросы?

- Первое. Я послал вам заметку о новом методе тестирования доктора Бостиана, который позволяет выявлять замаскированных ритиан. Я просил бы вашего разрешения для применения его здесь на Холме, еще до окончательного одобрения - в качестве временной меры.

- Почему?

- Просто из предосторожности, сэр. Мы обнаружили здесь одного ритианина; я хочу быть полностью уверенным, что здесь нет других.

Кейт-Ингрэм кивнул.

- Нет вреда в том, чтобы убедиться. Хорошо, Торн, начинайте, если вы так задумали. Ну, что еще за вопрос?

- Еще одно. Меня интересует, нельзя ли поднять вопрос об обработке Кассины в любом случае, независимо от схемы Пембана. Если методика Пембана обернется неудачей, будет меньше задержка перед ортодоксальной процедурой.

Его ударение на слове "ортодоксальной" было деликатным, но он знал, что Кейт-Ингрэм уловил его.

Начальник Спенглера молча смотрел на него в течение нескольких минут.

- В сущности, - произнес он наконец, - я уже думал над этим. Однако я могу также сказать, что очень верю в Пембана. Если бы весь наш персонал работал так же эффективно, как он, Торн, то дела в этом департаменте шли бы гораздо ровнее.

Спенглер ничего не ответил.

- Это все? Конец связи.

Вспоминая об этой беседе вечером перед сном, Спенглер думал: "Посмотрим, какая уверенность в Пембана будет у вас завтра утром."

Все было готово к десяти часам.

Нет загадки, к которой нельзя найти решения, подумал Спенглер с удовлетворением. Независимо от того, какой безнадежно запутанной и противоречивой может показаться ситуация при поверхностном рассмотрении, и даже после некоторого углубления в нее, если искать упорно, то в конце концов можно докопаться до сердцевины, и именно там находятся все части проблемы, обнаженные в своей истинной простоте.

И вот какое открытие снизошло на Спенглера.

Настоящая битва происходила между варварством и цивилизацией, между магией и наукой, между двойным значением и единым пониманием.

Пембан был на стороне двусмысленности и беззакония. Поэтому он был

врагом.

Что ослепило Спенглера, и в равной мере ослепило их всех, так это очевидный факт, что Пембан был человеком. Лояльность по отношению к нации или идее условна, но преданность расе в крови у каждого человека с рождения. Как говорится в старинной поговорке, "кровь людская - не водица".

То, что Пембан был человеком - очевидный факт, но вот какое значение следует на самом деле придавать этому факту?

"Вэй" также казался человеком, пока его не раскрыли.

Пембан принадлежал к неопрятному миру, в котором ритианам позволялось беспрепятственно приходить и уходить. Могло быть вполне возможным, и даже тактически оправданным, что, оценив очень полезную связь Пембана с Землей, они сделали его своим агентом.

Или даже подменили его кем-то из своих?

Конечно, мысль была фантастической. Картина, где Пембан играет роль убийцы ритианина, принося таким образом в жертву своего союзника, чтобы укрепить собственные позиции, скорее смахивала на сцену из этих диких романов двадцатого столетия, в которых детектив оказывается убийцей, а глава секретной полиции является также лидером мафии, а их раскрывает герой-подчиненный, который оказывается красивой девушкой, обрезающей волосы ради того, чтобы хитро замаскироваться под юношу.

Но это был именно тот мир, из которого появился Пембан, был ли он человеком или ритианином; это была неизменившаяся сущность древней Неразумности, вытесненной на Земле, но не исчезнувшей в космосе. Это был враг.

- 10:01, - пропищали часы.

Через несколько минут одна часть вопроса будет решена.

Спенглер посмотрел на четырех мужчин в рабочих комбинезонах, которые стояли у открытой секции стены. Один из них держал что-то, выглядевшее как ножницы для резки проволоки, у остальных в руках были всякие штуки, напоминающие инструменты для тестирования. Под камуфляжной оболочкой ножниц было не что иное, как парализующий полевой излучатель, у остальных в руках находились энергетические ружья.

Мужчины стояли спокойно, не разговаривая, пока не загорелась сигнальная лампочка на столе у Спенглера. Он кивнул и они подошли ближе к вынутой стене, переговариваясь тихими голосами. Через секунду на пороге появился Пембан.

Спенглер посмотрел на него из-за экрана, насупившись.

- А, Пембан, - произнес он, - присядьте на минутку.

Он указал на один из стульев у дальней стены. Пембан сел, мягко скрестив руки на коленях, лениво наблюдая за рабочими.

Спенглер приоткрыл переднюю панель стола и нажал кнопку; далеко вперед выдвинулась игла измерительного прибора и устойчиво зависла в воздухе. Теперь комната была разделена на две части плоским экраном, который завис прямо перед столом Спенглера. Он приблизил к себе микрофон, который давал ему возможность вести переговоры через барьер.

Загорелась лампочка многосторонней связи. Спенглер снял трубку.

- Да?

Человек сказал так, как его проинструктировали:

- Господин уполномоченный, мистер Пембан в вашей комнате?

- Да, а что?

- Обычный тест, сэр. Вы приказали нам проделать его над каждым, кто находится на Холме менее шести месяцев, и мистер Пембан в списке. Если вы не слишком заняты...

- Конечно, он должен быть в списке, - подтвердил Спенглер, - совсем забыл. Хорошо, входите. Он повернулся к Пембану. - Вы не возражаете?

- А что это такое? - спросил Пембан.

- У нас есть новый противоритианский тест, - просто пояснил Спенглер.

- Мы хотим иметь абсолютную уверенность, что на Холме больше нет Вэев. В вашем случае, это, конечно, формальность.

Выражение лица Пембана было трудно ухватить, но Спенглеру показалось, что он видит следы тревоги на нем. Он стал наблюдать внимательно, как молодой человек в белом халате, несущий чемоданчик с медицинскими принадлежностями, вошел в двери справа от Пембана.

Рабочие внезапно отделились от стены и двинулись к двери. Когда они прошли несколько шагов, один из них обернулся и спросил оставшихся двоих:

- Вы уверены, что два RBX действуют?

- А почему ты спрашиваешь об этом?

- Это, конечно, ваше дело, но... - Мужчины продолжали разговаривать, когда медик подошел к Пембану и открыл чемоданчик. - Мистер Пембан?

- Да.

- Прошу вас встать и отвернуть правый рукав.

Пембан сделал так, как ему сказали. Верхняя часть его руки была бесформенной, покрытой жиром и мускулами, как у борца. Медик поместил одну часть хромированного цилиндра на оголенную часть плеча и нажал на головку. Пембан яростно отдернул руку и похлопал по ней другой рукой. Когда он отвел вторую руку, на ладони осталась крошечная капля крови.

Медик вытряхнул узкое острие из цилиндра и показал его Спенглеру.

- Реакция отрицательная, господин уполномоченный.

- Естественно, - сухо сказал Спенглер. Медик достал из сумки помазок и осушил рану Пембана, затем наложил крошечный бандаж, закрыл сумку и вышел.

Отрицательная, с сожалением подумал Спенглер. Очень плохо; ему бы доставило больше удовольствия известие, что у Пембана под этим жиром обнаружены щупальца. Но в любом случае Спенглеру доставило удовольствие даже то, как Пембан подпрыгнул. Он открыл переднюю панель стола и убрал полевую защиту.

Двое рабочих у двери закончили спор и вышли. Оставшейся паре Спенглер сказал:

- Не могли бы вы подождать за дверью пару минут?

Когда они вышли, Пембан подошел и сел лицом к столу.

- Это грубый тест, - сказал он. - Как он работает?

Спенглер пояснил.

- Извините за то, что процедура была неприятной, - добавил он, - но я думаю, что она эффективнее, чем предыдущая.

- Ну что ж, в любом случае я рад, что прошел ее, - сказал Пембан, сохраняя бесстрастное выражение лица.

- Без сомнения, - поддакнул Спенглер. - Теперь ваш отчет, мистер Пембан.

- У меня возникли небольшие проблемы. Я просил полковника Леклерка подумать над тем, как бы послать кого-нибудь в Сантос из системы Сахпур для того, чтобы привести несколько ритианских городских лиан из местного ботанического сада. Он дал мне понять, что вы отказали в этой просьбе.

- Да, я сожалею об этом, - с симпатией произнес Спенглер. - Пока дело о ритианах не закрыто, мы не можем нарушать эмбарго. Особенно это касается путешествий во Внешний мир.

Пембан принял это объяснение без комментариев.

- Следующее. Я просил в военном департаменте копии каких-либо ритианских съемок, которые у них есть, в надежде на то, что одну из них я смогу использовать для создания иллюзии того, что в комнате находится рити. Мне и в этом отказали. Я не знаю, проходил этот запрос через вас, или нет.

- Нет, я впервые слышу об этом, - не моргнув глазом, солгал Спенглер, - но я не удивлен. Военные повышенно чувствительны по отношению к своему фильмофонду, я боюсь вас обнадеживать по поводу того, удастся ли у них что-нибудь вырвать. Можно ли каким-нибудь другим способом решить эти две проблемы?

Пембан кивнул.

- Я думаю, что смогу это сделать. Попробую сделать все, что в моих силах. Я не обещаю, что это работает, потому что кое-что будет очень

скверной заменой, но у меня все готово.

Спенглер почувствовал, как дернулся мускул у него на щеке.

- Уже готово прямо сейчас? - переспросил он.

- В любой момент, как только понадобится, господин уполномоченный.

Пембан поднялся и направился к двери.

Спенглер принял мгновенное решение. Он не собирался предпринимать второй шаг против Пембана, пока не создастся благовидная ситуация, но он не мог позволить Пембану провести освидетельствование Кассины. Он резко произнес:

- Минуточку! - и добавил: - Если вас не затруднит.

Когда Пембан остановился, он нажал кнопку многосторонней связи.

- Попросите рабочих снова войти.

Дверь открылась и все четверо псевдорабочих ввалились в комнату.

Пембан посмотрел на них с выражением мягкого удивления.

- Разве вы еще не получили эти RBX до сих пор? - спросил он.

Никто ему не ответил. Спенглер сказал:

- Я прошу вас, мистер Пембан, пройти со мной вниз в комнату допросов.

По его знаку четверо мужчин окружили Пембана. Двое заняли позицию по обе стороны от Пембана, двое стали сзади.

- Допрос! - воскликнул Пембан. - Почему, господин уполномоченный?

- Никаких пыток, я уверяю вас, - ответил Спенглер, обходя стол. -

Просто допрос. Есть несколько вопросов, которые я хотел бы задать вам.

- Господин Спенглер, - произнес Пембан, - правильно ли я понял, что меня подозревают в преступлении?

- Мистер Пембан, - ответил Спенглер, - не будьте ребенком. Службе безопасности дана власть допрашивать любого, где бы то ни было, в любое время и по любому поводу.

6

После некоторой борьбы Пембан расслабился. Теперь он дышал неглубоко, его глаза были полуоткрыты, а взгляд рассеянно блуждал.

"Вы получили достаточное количество тестовых шаблонов?" - спросил Спенглер техника, используя язык жестов.

"Я думаю, что да, господин уполномоченный". - Молодой техник отвечал при помощи того же метода. - "Хотя его основы очень необычны. У меня возникли определенные трудности в интерпретации, когда мы достигли второго порядка".

"Делайте все, что можете".

Спенглер наклонился вперед, к голове Пембана.

- Вы все еще слышите меня, Пембан? - спросил он громко.

- Да.

- Назовите ваше полное имя.

- Джой Перо Пембан.

- Как долго Вы были агентом ритиан?

Пауза.

- Я никогда им не был.

Спенглер посмотрел на техника, который просигналил: "Эмоциональный индекс приблизительно 0,6."

Спенглер попробовал еще раз.

- Когда и где вы в последний раз встречались с ритианами до вашего отъезда на Землю?

- В апреле 2514 года на весенней выставке искусств в Эспар, Менхевен.

- Опишите эту встречу поподробнее.

- Я стоял в толпе, глядя на большое полотно, которое называлось "Истли и Такер". Подошел рити и стал возле меня. Он указал на полотно и сказал: "Очень хорошо". Он смотрел на картину через преобразователь, который позволял ему уловить смысл оттенков цвета. Я сказал: "Я видел

ритианские коллажи, которые показались мне забавными". Затем он показал мне, как, изменяя установки преобразователя, можно увидеть, что у Истли заплесневелое лицо с бородавками, а у Такера длинный хвост. Я сказал...

Пембан флегматично пересказал весь эпизод до конца; он и рити, чьего имени он не знал, обменялись еще несколькими замечаниями и разошлись.

Эмоциональный индекс его рассказа не превышал величины 0.9 при пятибалльной шкале.

- До этого где и когда вы встречались с рити в последний раз?

- На улице Эспар, в первой половине декабря 2513 года.

- Опишите эту встречу.

Спенглер мрачно продолжал допрос, проводя Пембана все дальше и дальше через бесконечное количество случайных встреч. В конце получаса дыхание Пембана стало неровным, а его лоб покрылся испариной. Техник сделал ему вторую инъекцию. Спенглер продолжал задавать вопросы.

Наконец:

- ...Опишите последнюю встречу перед этой.

- Больше не было встреч.

Спенглер сидел мрачный, затем резко сжал кулаки.

Он посмотрел на измученное лицо Пембана. В эту минуту он почувствовал, что готов был забыть о последствиях и применить усиленные процедуры, которые были запланированы для Кассины; но, по всей видимости, в этом случае от них не будет пользы. В случае Кассины материал находился в его мозгу и вопрос был только в том, чтобы приложить достаточное усилие в соответствующую точку мозга, чтобы получить его. Здесь же либо самого материала не существовало, либо он был так хорошо заперт, что самая лучшая аппаратура Империи никогда не найдет и намека на него.

Но что-то должно было быть: если не шпионаж, тогда измена.

Спенглер спросил:

- Пембан, в войне между ритианами и Землей какую сторону вы будете поддерживать?

- Империю.

Спенглер хрипло задал следующий вопрос:

- Если говорить о культуре, то какую культуру вы предпочитаете: ритианскую или имперскую?

- Рити.

- Почему?

- Потому что у них не пустая, болтливая система.

- Объясните это утверждение.

- У них нет слишком большой специализации. Они остались человеческими в мировом смысле этого слова, а не в его естественно-историческом значении. Они живые в том понимании этого слова, которое у Империи утеряно. Империя напоминает мозг робота, в котором половина связей держится в закрытом состоянии. Эта система не способна адаптироваться, а потому она умирает. Но она все еще достаточно велика, и в силу этого представляет собой опасность.

Спенглер бросил торжествующий взгляд на техника и сказал:

- Я повторяю, в случае войны между ритианами и Империей, какую сторону вы будете поддерживать?

- Империю, - ответил Пембан.

Спенглер со злостью настаивал:

- Как вы объясняете это свое утверждение, если вы отдали предпочтение культуре ритиан перед культурой Империи?

- Мои личные предпочтения не имеют значения. Будет плохо для всей человеческой расы, если Империя рухнет слишком быстро. Внешние миры еще недостаточно сильны. Было бы слишком самонадеянно ожидать от них самостоятельности в ближайшее время, когда они могут опираться на Империю посредством торговых отношений. Сейчас Империя должна быть сохранена. Через пять столетий или около того, ее существование уже не будет играть такой важной роли.

Спенглер вопросительно уставился на техника, который просигналил:

"Эмоциональный индекс 1,7".

1,7 - нормально для правдивого ответа по глубокому убеждению. Обманывающий человек, говорящий под действием таблеток, генерирует индекс не менее 3,0.

Итак, все опять выскользнуло у него из рук. Утверждения Пембана были разрушительными для него; они станут черным пятном в его досье, но они не носили криминального характера. В них не было ничего такого, что могло оправдать проведение допроса: сейчас он сказал немногим больше, чем написал в своем отчете.

Спенглер сделал еще одну попытку.

- Со времени, когда я встретил вас на космодроме и до настоящего времени, лгали ли вы мне когда-нибудь?

Пауза.

- Да.

- Как много?

- Однажды.

Спенглер резко наклонился вперед.

- Уточните детали!

- Я сказал вам, что песня "Odum Pawkee Mont a Mutting" - нечто вроде саги. Это в некотором роде правда, но я сказал так, чтобы одурачить вас. Существует старинная песня с таким же названием, которая датируется первыми днями поселения на Менхевене, но она исполняется на старинном языке. То, что пел я, было современной версией. Это не народная песня или сага, это политическая песня. Старина Поки олицетворяет Империю, а чашка кофе - мир. Он карабкается в горы, он идет неизвестно куда, он сражается в сотнях битв, он позволяет своей ферме зарастать лесом, чтобы получить чашечку кофе - вместо того, чтобы выращивать фасоль у себя на заднем дворе.

Волна гнева наполнила и опрокинула Спенглера. Когда ярость утихла, он обнаружил, что стоит возле стола допросов с широко расставленными ногами и опущенными плечами. Он ощутил жжение в ладони правой руки и на внутренней поверхности пальцев и увидел темно-красное пятно на щеке у Пембана.

Техник уставился на него, но тут же отвел взгляд, когда Спенглер обернулся.

- Вынесите его отсюда, приведите в порядок и отпустите, - сказал Спенглер и быстро вышел из комнаты.

Экран занимал одну стену комнаты. Таким образом, объемное изображение, появившееся на экране, как будто физически присутствовало за стеной из не отсвечивающего стекла.

Спенглер занимал место справа от центра, с левой стороны от него сидел Гордон. Справа находился полковник Леклерк со своим адъютантом. Далеко слева, несколько в стороне от других, разместился Пембан.

После допроса Спенглер ограничил свои разговоры с Пембаном до необходимого минимума. Находиться с ним в одной комнате Спенглеру было почти физически неприятно.

На вспомогательном экране перед Спенглером отражалось широкое серое лицо Кейт-Ингрема. Однако связь не была двусторонней; Кейт-Ингрэм получал такое же изображение, которое появилось на большом настенном экране; такая же связь была установлена еще у нескольких начальников департаментов и даже у одного члена Высшего Собрания.

Изображенная на экране комната совсем не была похожа на комнату. Она выглядела почти так же, как ритианский город-сад, который Спенглер видел в учебном фильме. Был воссоздан голубоватый свет, широколистные зеленые лианы и огромные цветы. Иллюзия создавала неясное ощущение большого пространства; и там в глубине, в развилке лианы, находился ритианин.

Реконструкция была выполнена до жути хорошо, отметил Спенглер; если бы он не видел модель вблизи, то он мог бы поверить, что это все живое.

Но что-то все же не удалось, что-то было подобрано не так: то ли

качество освещения, или расположение стеблей лиан - а, возможно, даже позиция псевдоживой фигуры ритианина. Комната в целом напоминала реконструкцию в музее: убедительно, только если вы сами добровольно хотели в это поверить.

Леклерк шумно болтал со своим адъютантом: по-видимому, таков был его метод снятия напряжения. Адъютант кивал и нервно кашлял. Гордон переменил позицию тела, но виновато затих, когда Спенглер посмотрел на него.

Губы Кейт-Ингрема беззвучно двигались, он разговаривал с одним из руководителей-исполнителей по другой сети. Затем звук прорезался и прозвучал голос Кейт-Ингрема:

- Здесь все готово, Спенглер. Начинайте.

- Хорошо, сэр.

Испытывая смутно неприятное чувство, Спенглер повернул голову к Пембану.

- Мистер Пембан?

Пембан что-то сказал в микрофон многосторонней связи. Минутой позже лианы в левой части комнаты разошлись и вошел Кассина.

У него было бледное лицо, и было видно, что он чувствует себя ужасно неловко. С помощью методики усиленного лечения он быстро поправлялся, но он все еще выглядел не лучшим образом. Он посмотрел вниз, на переплетенные лианы, которые образовывали пол, сделал два шага вперед, повернулся в сторону неподвижного ритианина и принял "облегченную" позу, заложив руки за спину. Его застывшее лицо убедительно выражало неодобрение и беспокойство.

Никто в смотровой комнате не двигался и, казалось, даже не дышал. Даже неугомонный Леклерк застыл как статуя, уставившись пристально на экран.

Как, интересно, чувствовал себя Кассина, подумал вдруг Спенглер, с бомбой в черепной коробке?

Леклерк установил часы на громкий отсчет секунд. Тонкое тиканье было слышно на расстоянии.

Прошло три секунды, но ничего не произошло. Теоретически, если спрятанное в мозгу Кассины сообщение срабатывало на ситуацию, то спрятанный материал должен был проявиться в виде словесного потока, как бы понуждаемого невидимой силой.

Еще четыре секунды.

Пембан наклонился к микрофону и что-то пробормотал. В изображаемой комнате фиктивный ритианин слегка переместился - шупальца сжались и расслабились, приподнимая ненадолго вес тела; голова повернулась. Голос высокой интенсивности, который как будто исходил от ритианина, произнес:

- Войди и будь в мире.

Шесть секунд.

Часы продолжали тикать; затем ритианин заговорил вновь на ритианском языке с его шипящими и грубыми фрикативными звуками.

Девять секунд. Десять. Поддельный ритианин заговорил еще раз на ритианском языке.

Двенадцать секунд.

Выражение лица Кассины не изменилось, его губы оставались сомкнутыми.

Пембан вздохнул.

- Бесплезно продолжать дольше, - сказал он. - Я полагаю, что это неудача.

- Безуспешно, шеф, - сказал Спенглер. - Пембан говорит, что он сделал все, что мог.

Кейт-Ингрэм кивнул. - Хорошо. Я свяжусь с тобой позже. Конец связи. - Его экран погас.

Пембан разговаривал по многосторонней связи. Через мгновение голос из-за экрана сказал:

- Это все, полковник.

Кассина повернулся, и его застывшая фигура исчезла за пределами видимости.

- Конец связи, - произнес голос.

Большой экран погас и засеребрился.

Спенглер продолжал сидеть, наслаждаясь победой, в то время как остальные встали и двинулись, бормоча что-то, к двери. Лианы, подумал он с издевкой. Поддельные монстры. Запахи!

Следующий раз все было совсем по-другому.

Кассина лежал, зажатый и забинтованный, опутанный проводами, готовы для проведения допроса. Его ярко блестящие глаза с выражением застывшего ужаса уставились в потолок.

Спенглер, стоявший у кровати, только частично осознавал присутствие других людей в комнате и ощущал направленные на него глазки видеокамер.

Он наблюдал за Кассиной, как человек, который отмечает маслянистую рябь на поверхности океана, зная, что ниже разворачивается гигантская подводная битва.

В подводных глубинах мозга Кассины уже более получаса происходила трехсторонняя битва без отсрочки. Поле битвы находилось в районе заблокированного и опечатанного участка памяти. Тремя сторонами были машина допроса, репрессивный комплекс, который стерег опечатанную память и собственная отчаянная воля Кассины, направленная на то, чтобы выжить.

Динамика битвы была простой и смертельной. Сначала с помощью обычного допроса внимание Кассины было направлено на участок памяти под вопросом. Образец этого пути направленной мысли был воспроизведен в машине допроса - зазубренная линия исполняла свою бесконечную и дрожащую пляску на оптическом приборе - и ритмично возвращался в мозг Кассины. Таким образом его сознание было переориентировано так же, как стрелка компаса, которая меняет направление под действием магнита. Каждый раз, когда сознание Кассины пыталось освободиться, его насильственно возвращали в прежнее состояние. Эта методика, без таблеток истинности и указаний, обычно использовалась для восстановления материалов, подавленных невротами или психическими травмами; интервал между импульсами был вычислен так, чтобы на заблудшие участки запятой памяти воздействовал сам репрессивный механизм - каждое успешное возвращение внимания таким образом открывало все больше скрытых участков, и полное восстановление обычно было делом секунд.

В случае Кассины репрессивный комплекс был таким сильным, что эти выброшенные фрагменты памяти также быстро поглощались, как и излучались. Подавление было связано с выживанием, что означало, что беспричинные магические девять десятых памяти Кассины были настроены на то, чтобы спрятанные материалы были похоронены. Вот поэтому битва велась двумя против одного: репрессивный комплекс плюс воля к выживанию против машины допросов. У машины было два помощника: лекарства, вводимые Кассине и неутомимый, безжалостный механический голос, звучащий у него в ушах: "Говори!... Говори!... Говори!..."

И сила машины, в отличие от возможностей мозга Кассины, была неограниченной.

На мгновение губы Кассины беззвучно зашевелились; затем его лицо опять оцепенело. Спенглер подождал несколько секунд и кивнул технику.

Техник передвинул реостат на следующее деление.

Семьдесят раз в секунду, разрывая слабое сопротивление Кассины, поток обратной связи переключал его мозг на единую направленность мысли. Кассина не мог даже погрузиться в утомительство, когда эта цепь была открытой; в его мозгу не было места для другой мысли, в нем пульсировала только одна мысль, усиленная до ментального вопля, которая пронеслась в его голове с каждым циклом потока.

Репрессивный комплекс и воля к выживанию были величинами постоянными; а искусственное принуждение, направленное на воспоминание, было величиной переменной.

Спенглер кивнул опять, сила машины увеличилась.

Восковое лицо Кассины блесло от пота, оно было так искажено, что его невозможно было узнать. Внезапно его глаза закрылись, а мускулы лица

расслабились. Техник бросил взгляд на шкалу панели управления и схватился за ручку управления. Две сигнальные лампочки стали непрерывно зажигаться; остановившееся сердце Кассины было переключено на искусственную работу.

Медсестра сделала Кассине инъекцию. Через несколько минут его лицо опять исказилось, а глаза, замигав, открылись.

В комнате установилась абсолютная тишина. Спенглер наблюдал, как убегают длинные, длинные минуты, затем опять кивнул технику. Мощность воздействия опять возросла. Опять поднялись на следующий уровень.

Неожиданно взгляд Кассины беспорядочно заметался по сторонам, потом его глаза закрылись, челюсти разжались и он заговорил: единый бесформенный поток звуков.

Затем его лицо оцепенело, превратившись в ледяную, безразличную ко всему маску. Сигнальные лампочки продолжали вспыхивать, пока техник пробным жестом не отключил поток, стимулировавший сердце, затем постоянное тиканье индикатора показало, что сердце Кассины продолжает биться уже самостоятельно. Но лицо его напоминало лицо мертвеца.

Спенглер почувствовал, как его тело расслабляется после напряжения, которое причиняло ему почти физическую боль. Его пальцы дрожали. По его кивку техник переключил главный тумблер и медсестра начала снимать провода с головы и тела Кассины.

Спенглер мельком глянул на маленький видеоэкран, на котором было изображение внимательного лица Кейт-Ингрема, затем взял кассету, которую техник вручил ему, поставил ее на перемотку, а потом начал прослушивать ее раз за разом, сначала на нормальной скорости, затем замедлив скорость так, что можно было различить отдельные слова и звуки.

Голос Кассины выкрикивал: "Вы забудете то, что я скажу вам сейчас, и вспомните эти слова и повторите их только тогда, когда увидите ритианина и почувствуете именно этот запах. Если кто-либо еще попытается заставить вспомнить вас эти слова, вы умрете. Vuyown fowkip tiima Kreth Grana yodg rigrur зоомагазин vuyown geckyg odowo coyowod, cpguvib btui tene книжный магазин ikpui. Nobceyeu kivpi cyour myoe. Aoproso..."

За этим последовал настоящий поток чужих слов, прерванный еще один раз словом "зоомагазин".

Остальные участники толпились вокруг, стараясь только не закрыть панораму Кейт-Ингрему, в то время как Спенглер, полностью игнорируя Пембана, передал кассету Хейслеру, похожему на кролика маленькому ритианскому эксперту, который прилетел сегодня утром из Денвера.

Хейслер прослушал кассету еще раз, сделал какие-то записи иероглифами, нахмурился и прочистил горло.

- Это, как говорится, черновой вариант, - предупредил он. - Я не могу передать точный перевод, пока я не уделю достаточное количество времени детальному изучению текста.

Он посмотрел вокруг, затем опустил глаза к своим заметкам:

- По карте мы посылаем вас через Крет Грана, где вы найдете зоомагазин на авеню, идущей с севера на юг, по одну сторону которого расположен ресторан, а по другую - книжный магазин. Первая бомба находится в этом месте. Остальные через наиболее удаленный от центра выступ прилегающей береговой линии, - Хейслер остановился, - расстояние указано в ритианских единицах измерения длины, если перевести в наши единицы измерения, то оно будет приблизительно равным шести тысячам семистам километрам. Сейчас я пересчитаю точно... равно 6778 километрам, 329 метрам и нескольким сантиметрам до следующего места расположения, которое тоже представляет собой зоомагазин. От этого местоположения под внутренним углом - сейчас вычислю - равным 87 градусам и 8 минутам, да 8 минутам, 6 секундам, следует отсчитать следующее расстояние, которое равняется... 9 тысячам 372 километрам и одному метру, до следующего местоположения. От этого места расположения под внешним углом в 93 градуса 20 минут 2 секунды...

Спенглер нажал многостороннюю связь, вызвал мисс Тимони и приказал ей:

- Достаньте карты улиц всех наибольших городов Северной Америки и посадите весь доступный персонал за работу над ними, пусть начинают с городов, в которых население превышает пятьсот тысяч. Они должны искать зоомагазин, - правильно, зоомагазин, - расположенный на авеню, идущей с севера на юг, с одной стороны которой расположен ресторан, а с другой книжный магазин. Проект выполняется как временный, но с приоритетом ААА. Тем временем набросайте вчерне проект замещающий, охватывающий все обитаемые площади в этом полушарии. Персонал должен закончить задание в течении сорока восьми часов, и положите эскиз на мой стол для утверждения к моменту моего возвращения в кабинет.

- ...7981 километр, 98 метров до пятого местоположения. Конец сообщения. - Хейслер сложил руки и сел.

Спенглер посмотрел на Кейт-Ингрема. Седовласый мужчина кивнул.

- Хорошая работа, Торн! Проследи за продвижением работы над этим проектом. А я дам указания, чтобы подобные проекты разработали и для других регионов. Прими мои поздравления. Конец связи.

Его экран погас.

"...Это было то, что надо", - подумал Спенглер. Без сомнения, в мире существовало огромное количество зоомагазинов, у которых с одной стороны располагался ресторан, а с другой - книжный магазин и которые находились на авеню, идущей с севера на юг, но найдется гораздо меньше возможных пар магазинов, расположенных на одной прямой с точно известным расстоянием и которая проходит через выступ на береговой линии, удаленной от центра первого местоположения. Поиски этого объекта были очень масштабной задачей, но именно с подобными проблемами в Империи привыкли иметь дело. В течении двух дней бомбы будут найдены и деактивированы.

Забавно, но в этот момент Спенглера занимали не мысли о возможном продвижении. Его не отвлекала даже радость по поводу того, что Империя избежала ужасной опасности. Он думал о Пембане.

Во всех отношениях, думал он, это победа разума над сентиментальностью, науки над колдовством. Это исторический триумф единственного значения.

Он посмотрел на Пембана, все еще одиноко сидящего в углу комнаты. Лицо маленького человечка посерело. Он сгорбился, он уставился в никуда.

Спенглер наблюдал за ним, чувствуя внутри себя пустоту, а не гром триумфальных фанфар. Так было всегда, когда он побеждал. Пока длилась борьба, Спенглер был сосудом, наполненным ненавистью; когда же борьба завершалась, когда его эмоции завершали свою работу, они вытекали из него и оставляли его в покое. Иногда даже трудно было себе представить, как он мог считать побежденного врага такой важной фигурой, как он мог взрываться от бессилия при одной мысли о том, что этот человек существует. Этот человек, такой маленький, такой сморщенный, такой очевидно безвредный. Иногда, как, например, сейчас, Спенглер чувствовал незваное ощущение сострадания.

Вот так мы работаем, думал он. Каждое следующее дело - всегда очень важное, единственное, которое существует для нас... а затем, когда оно закончено, мы удивляемся, почему мы считали его таким важным. Иногда мы даже не знаем точно, что теперь с ним делать. Но всегда находится новое задание, всегда есть с чем бороться. Может, это звучит по-детски, но именно это делает нас великими.

Пембан медленно встал и подошел к полковнику Леклерку, который энергично разговаривал с Гордоном. Спенглер видел, как Леклерк повернулся и внимательно стал слушать то, что говорил ему Пембан; затем его брови выгнулись проказливо, и он покачал головой, приставив палец к сморщенным губам. Пембан заговорил опять и Леклерк ухмыльнулся, довольный, наклонился и прошептал что-то пембану на ухо, затем громко засмеялся.

Пембан направился к выходу, проходя мимо Спенглера, он взглянул на него. Его лицо было все еще серым, но на его губах играла загадочная, хитрая улыбка.

Он собирается сыграть шутку, подумал Спенглер. Следует отдать должное

его мужеству.

Он внезапно почувствовал себя опустошенным, апатичным, как после сцены с Джоанной. Он направился к двери, но неожиданное ощущение беспокойства заставило его заколебаться. Он повернулся и направился к Леклерку.

- Извините мне мое любопытство, полковник, - обратился Спенглер к нему. - Но что сказал вам сейчас Пембан?

Глаза Леклерка заблестели.

- Он очень забавный. Он спросил меня, знаю ли я французский, и я ответил, что да. Я разговаривал на этом языке в детстве, знаете ли. Я рос в отсталой среде. Ну, потом он спросил меня, правда ли, что на французском языке слова "pet shop" (зоомагазин) имеют совершенно другое значение, чем в стандартном английском языке.

Он зафыркал.

- И что вы сказали ему?.. - поинтересовался Спенглер.

Леклерк сделал один из своих экстравагантных жестов.

- Я сказал, что да! Если вы будете считать первое слово французским, а второе - английским, тогда выражение "pet shop" будет означать... - он понизил свой голос до драматического шепота, - ...магазин, который продает нетактичные звуки.

Он засмеялся слишком громко, тряся головой.

- Это же надо такое придумать!

Спенглер криво улыбнулся.

- Спасибо, полковник, - сказал он и вышел.

Это ощущение тревоги - это просто какой-то пережиток, подумал он; уже нет необходимости беспокоиться о том, что скажет Пембан, о чем он подумает.

Пембан ждал его в приемной.

Спенглер посмотрел на него, не удивляясь, пересек комнату и сел рядом.

- Я вас слушаю, мистер Пембан, - просто сказал он.

- Я должен вам кое-что сказать, - произнес Пембан, - что вам неприятно будет услышать. Может быть нам лучше пройти во внутренний кабинет?

- Хорошо, - ответил Спенглер и пошел впереди.

Он обнаружил, что шагает по пустынному коридору восстановительного уровня. С одной стороны располагались комнаты, манящие стереоснимками трехмерных фильмов, которые можно было посмотреть внутри. Там можно было поучаствовать в полярной экспедиции на Нереус-6, провести вечер с Эйеши О'Шонесси, испытать ночные кошмары, посмотреть пантомиму, балет, стать участником космической битвы. По другую сторону коридора он видел прозрачные кристаллические оболочки пустых капсул для сна.

Спенглер не знал, как долго он шагал. Он помнил, что он сел в скутер, но он не знал, ни какое направление он указал, ни как долго он ехал, ни где он вышел. Его ноги болели, отсюда можно было сделать вывод, что он шел уже довольно длительное время.

Он посмотрел вверх. Потолок коридора был сделан из стереоскопических ячеек, и сейчас на нем был представлен вид ночного неба. Глядя на него, можно было сказать, что ночь ясная и холодная. Небо было цвета черного агата, и каждая звезда, такая блестящая и острая, как льдинка.

С неба на него уставилось серо-коричневое лицо Пембана. Это лицо преследовало его с того самого момента, как он вышел из своего кабинета; он видел его на гладких стенах коридоров; оно было здесь, когда он закрывал глаза; но звездное небо было особенно подходящим фоном для лица Пембана. Спенглер подумал, что и звезды имеют его лицо.

Глубокая дрожь пронзила его до мозга костей. Он повернулся и зашел в одну из комнат снов и сел на покрытую меховой полостью скамью. Дверь сразу же предупредительно закрылась за ним.

Он заглянул внутрь капсулы, устеленной мягкими подушками и достаточно большой, чтобы человек мог лечь уютно; он потрогал голубую внутреннюю обивку. Кристаллический изгиб верхней части капсулы напоминал вырубленную изнутри глыбу льда; газовые вентиляционные отверстия заканчивались кольцом из розового металла, антисептически яркого.

Нет, подумал он. Потом, но не сейчас. Я должен подумать.

Каламбур, каламбур, свинский, слабоумный каламбур.

Пембан сказал:

- Я совершил ужасную ошибку, господин уполномоченный. Вы помните, я все время задавал вопрос, почему полковник Кассина так старался добраться до рити, когда увидел, что мы обнаружили его?

И Спенглер, озадаченный, ответил:

- Помню.

- И я ответил, что Кассине, должно быть, было приказано сделать все, чтоб быть убитым - из-за сообщения, хранящегося в его мозгу, так как рити не хотел, чтобы мы его нашли.

- Вы были правы, мистер Пембан.

- Нет, я ошибался. Я должен был понять это. Мы знали, что постгипнотический контроль ритиан над Кассиной был достаточно сильным, чтобы заставить его сделать попытку самоубийства. Он почти преуспел в этом, несмотря на то, что мы держали его под постоянным наблюдением и были готовы к этому. Итак, нет смысла для рити приказывать ему придти и быть убитым. Если бы Кассина старался убить себя именно тогда, в ту минуту, когда мы зашли в кабинет, то нет сомнения, что он бы сумел сделать это. Мы никогда не сумели бы вовремя остановить его.

Мозг Спенглера зацепился за этот силлогизм, на который нельзя ответить, и мысли его блуждали вокруг него и не могли найти выход из этого замкнутого круга.

- Куда вы клоните?

- Разве вы не понимаете, господин уполномоченный? Чего действительно хотел рити, так это того, что фактически и случилось. Он хотел, чтобы мы убили его, потому что именно в его мозгу, а не в мозгу Кассины, находилась настоящая представляющая опасность информация.

Пембан остановился. Затем сказал:

- Рити любят жизнь. Он не мог заставить себя самого сделать это, но он смог организовать все таким образом, чтобы мы наверняка его убили, а не взяли живым.

Спенглер прохрипел:

- Вы утверждаете, что сообщение, которое мы добыли у Кассины - это мошенничество с нашей стороны?

- Нет. Это могло быть так, но я не думаю, что вы этим занимаетесь. Я думаю, что ритианин оставил гениальное сообщение в мозгу Кассины, ну скажем так, ради шутки, и потому, что он знал, что даже если мы найдем его, оно нам ничего не даст.

Спенглер не мог узнать своего голоса.

- Я не понимаю вас. Что вы пытаетесь... Что вы имеете в виду, говоря, что оно нам ничего не дает?

В голосе Пембана не было триумфа, только усталость и сожаление.

- Я говорил вам, что вам не понравятся мои соображения, господин уполномоченный. Вы заметили, что в сообщении было две фразы на стандартном языке?

- Зоомагазин и книжный магазин, да?

- Вы можете сказать то же самое на языке роштик: brutu ka и lessi ka.

Они являются точным переводом; здесь нет опасности запутаться.

Спенглер долго смотрел на него, не произнося ни слова. Он чувствовал, как твердая почва уходит у него из-под ног, как будто он остался сидеть на тонкой вершине высоко-высоко, и ему надо быть очень осторожным, не делать никаких резких движений, иначе он соскользнет и полетит вниз в пропасть.

- Вы догадывались, - сказал он ломким голосом, - что я спрошу полковника Леклерка, о чем вы с ним беседовали?

Пембан кивнул.

- Я подумал о том, что вы это сделаете. Я решил, что это немножко подготовит вас, может быть. Это не легко принять.

- Что вы тянете? - взял себя в руки Спенглер. - Говорите мне все.

- Рет - это звук, который используется во многих языках. В земном французском языке позднего периода он имеет неприличное значение. Но на языке твелез, производном от французского, он означает "сокровище", а соответственно "Рет магазин" - это то, что вы называете ювелирным магазином.

- Затем есть язык ка-рин, язык торговли в системе Горен, и некоторые другие языки. На языке ка-рин "ret" обозначает "хохол". Что касается "книжного магазина" (book store), то "book" означает "машина" на йезуесском языке, "ковёр" на языке эльда, "игрушка" - на языке балуат, а слово "bukstor" означает "общественный писсуар" на языке перроччи. Но это обзор только тех некоторых языков, которые я знаю. По-видимому, существует еще сотня других, которых я не знаю.

Наверное, рити договорились раньше, до приезда сюда, какой язык или диалект они будут использовать. И это как раз то, что может очень позабавить их... Извините меня. Я говорил вам, что они любят каламбуры, господин уполномоченный... И вы знаете, что Земля - это единственная планета людей, где язык не развивался последние четыреста лет...

Теперь Спенглер понял, почему лицо Пембана было таким серым: не потому, что Спенглер победил его в сражении двух волей, а потому что Империи был нанесен смертельный удар.

Ночь после ночи, глубина после бесконечной глубины, будущее без перспективы, связь без порядка: Вселенная без Империи.

Свеча, которая, как они считали, будет гореть всегда, теперь потушена и дымится в темноте.

Глубокая дрожь охватила все тело Спенглера. Ослепленный, он забрался в капсулу и закрыл ее за собой.

Прошло много времени, прежде чем он наконец открыл глаза и увидел два размытых лица, склонившихся над ним. Свет резал ему глаза. Он мигал до тех пор, пока не начал четко различать лица: одно лицо было лицом Пембана, второе - Джоанны.

- Как долго он находился здесь? - услышал он голос Пембана.

- Я не знаю. Наверное, что-то не так с машиной. На шкалах ничего не зарегистрировано. - Это был голос Джоанны, но он звучал так, как не звучал никогда. - Если не работает возврат...

- Лучше позвать доктора.

- Да. - Голова Джоанны повернулась и пропала.

- Подождите, - слабо произнес Спенглер. Он пытался сесть.

Голова Джоанны появилась вновь и оба уставились на него так, как будто он был умерший, неожиданно вернувшийся к жизни. Спенглеру захотелось засмеяться.

- Безопасность, - произнес он, - безопасность выскользнула из-под меня. Это каламбур.

Джоанна была шокирована и отвернулась. Через какое-то мгновение Спенглер осознал, что она плачет. Он сильно затряс головой, пытаясь освободить ее, и начал выползать из капсулы. Пембан положил ладонь ему на руку.

- Вы слышите меня, Торн? - спросил он обеспокоенно. - Вы понимаете, что я говорю?

- Со мной все в порядке, - сказал Спенглер, вставая. - Джоанна, что с тобой?

Она обернулась.

- Ты не...

- Со мной все в порядке. Я устал и я забрался сюда, чтобы отдохнуть. Я лежал здесь, обдумывая все, часок-другой. А затем я, наверное, заснул.

Она сделала шаг вперед и крепко обняла его, ее щека прижималась к его горлу, ее руки крепко сжимали его. Ее тело дрожало.

- Вы отсутствовали шесть часов, - сказал Пембан, - я нашел имя мисс Плантер в вашем списке для непредвиденных случаев и с тех пор мы разыскивали вас везде. Я не должен был делать опрометчивых заключений, я полагаю. - Он собрался уходить.

- Подождите, - сказал Спенглер. Он чувствовал себя слабым, но голова его была ясной и он был уверен в себе. - Пожалуйста, я должен вам кое-что сказать.

Джоанна резко оторвалась от него и начала искать носовой платок. Спенглер достал свой из кармана и передал ей.

- Спасибо, - сказала она слабым голосом, и села на скамью.

- Это будет и для тебя, Джоанна, - сказал Спенглер спокойно. - По крайней мере часть из того, что я скажу. - Он повернулся к Пембану.

- Вы ошиблись, - сказал он.

На лице Пембана медленно стало появляться выражение покорности.

- В чем?

- Вы сказали мне на допросе, что единственной причиной, заставлявшей вас сотрудничать с Империей и бороться с ее противниками, было то, что Империя пока еще необходима Внешним мирам, потому что если бы она развалилась слишком скоро, то Внешние миры были бы недостаточно сильны, чтоб выстоять самостоятельно.

- Если вы так утверждаете, значит так оно и было, господин уполномоченный.

- Но вы это говорили. Разве сейчас вы отрицаете это?

- Нет.

- Вы ошиблись. Вы оправдывали вашу позицию тем, что Внешние миры должны будут сверхспециализироваться так же, как и Империя, чтобы отделиться от нее... что лечение будет хуже самой болезни. Вы посвятили свою жизнь работе, которая не нравилась вам, каждая минута ее не была вам по вкусу. - Он глубоко вздохнул. - Я не могу понять, почему вы так думали, разве что вы исходили из двух заключений, которые мог бы опровергнуть мальчик двадцать первого столетия, - что подобные дела естественно порождают подобные результаты и что цель оправдывает средства.

Выражение скуки на лице Пембана изменилось. Сначала на нем отразилось удивление, затем шок, затем скептическое подозрение. Теперь он смотрел на Спенглера так, как будто никогда его не видел раньше.

- Продолжайте, - сказал он мягко.

- Вместо того, чтобы оставаться на Менхевене, которому вы принадлежите душой и сердцем, вы, не покладая рук, трудитесь на Империю, стараясь удержать от распада структуры, которым только нужен один удар под пятую точку, чтобы они рассыпались в пух и прах... Вы заблуждались так же, как и я. Мы оба впустую потратили жизнь.

- Теперь смотрите, что случилось. Земля кончена, как главная сила. С этой минуты Империя мертва. По всей видимости, ей уже не вонять в следующем столетии. Внешние миры действительно остались одни. Если подобные меры приводят к подобным концам, то так все и будет, нравится вам это или нет, но история никогда не повторяется сама, мистер Пембан.

- Джой, - произнес маленький человечек.

- Джой. Между прочим, я знаю, что вы не любите извинений...

- Вам не за что передо мной извиняться, - ответил Пембан.

Они улыбнулись друг другу в замешательстве, как люди, которые внезапно обнаружили, что нравятся друг другу. Спенглер протянул свою руку и Пембан пожал ее.

- Торн, что ты собираешься делать? - спросила Джоанна.

Он посмотрел на нее.

- Уйду завтра в отставку, постараюсь как можно быстрее получить визу и улечу куда-нибудь. Если я смогу найти место, где меня примут.

- На Менхевене всегда для вас найдется место, - сказал Пембан. - Если там нет подходящего, мы его создадим.

Джоанна перевела взгляд с одного мужчины на другого и ничего не сказала.

- Джой, - обратился Спенглер к Пембану, - подожди нас пару минут за дверью, пожалуйста, хорошо?

Маленький человечек улыбнулся счастливой улыбкой, поклонился им и вышел. Из-за двери донесся его голос.

- Я буду у мисс О'Шонесси, если я вам понадоблюсь.

Спенглер сел рядом с Джоанной. Она смотрела на него с выражением, в котором смешались смущение, боль и покорность.

- Мисс О'Шонесси? - удивилась она.

- Одна из комнат со стереофильмами через проход. Я думаю, что Пембан не подозревает, во что он вляпывается. - Спенглер помолчал. - Я должен сказать тебе кое-что, Джоанна.

- Торн, если ты хочешь принести мне извинения...

- Нет, это не извинения. Если Пембан рассказал тебе о событиях последних трех дней, то возможно ты поняла некоторые из причин того... того, что я сделал.

- Да.

- Но это чепуха. О чем я хотел тебе сказать... Так это о том, что три месяца тому назад я решил жениться на тебе... не потому что ты - Джоанна, а потому что ты - Плантер.

- Я знала это.

Спенглер уставился на нее удивленно.

- Ты что...

- А почему же, ты думал, я отказывала тебе? - произнесла она, глядя ему в глаза.

Ее щеки покраснели, глаза заблестели, наполнившись слезами. Отчужденная ледяная маска исчезла. Она больше не выглядела, заметил Спенглер, как холодная статуя, изображающая Аристократию.

- Ты поедешь со мной?

Она опустила глаза.

- Ты поедешь без меня, если я не соглашусь?

- Да, - ответил Спенглер. - Мне нужно многое сделать, и есть ради чего. Мне тридцать лет. Я не смогу этого делать здесь.

- Тогда тебе придется уговорить меня, не так ли?